

ЕЛЕНА ЯНГЕ

МИРАЖИ В ДЯДИНОМ ПЕРЕУЛКЕ

Елена Янге

Миражи в Лялином переулке

«Тип-Топ»

2017

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6

Янге Е.

Миражи в Лялином переулке / Е. Янге — «Тип-Топ», 2017

ISBN 978-5-906097-27-9

Тема света и тьмы в каждом из нас сопровождает всё творчество Елены Янге – будь то романы, повести, сказки-притчи. Лауреат международных литературных премий «Ясная Поляна», «Золотой Витязь» и многих других Елена Янге пишет изящно, солнечно, прозрачно, то сдержанно-печально, то торжествующе-счастливо, и все её произведения дарят читателю забытую радость обретения вкуса к жизни и возвращение к мудрости, к которой интуитивно или осознанно движется каждый человек. В романе «Миражи в Лялином переулке», пропитанном ароматом московских улиц и переулков, семейных тайн и содержательных разговоров, есть всё, что цепляет душу – психологизм, романтика, вера в чудеса, поиск родной души и обретение счастья.

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-906097-27-9

© Янге Е., 2017
© Тип-Топ, 2017

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Янге

Миражи в Лялином переулке

Маме посвящаю

© Янге Е., текст, 2017

© Панюкова Н., иллюстрация на обложке, 2017

© Издательство Кетлеров, 2017

* * *

Никогда не думал, что буду увлечён чтением современной женской прозы. Не просто увлечён – проглочу книгу залпом. Так получилось с романом Елены Янге «Миражи в Лялином переулке». То, что я сейчас напишу, не критика, не рецензия – моё ощущение, калейдоскоп чувств и вкусов, которые случаются после знакомства с чем-то совершенно незнакомым, но понравившимся до желания поделиться с окружающим миром. Те, кто читал роман, меня поймут, те, кто не держал его в руках, надеюсь, прочтут.

Созвучие появилось с первых страниц, созвучие по переживаниям героев и их отношениям. Где-то в середине романа возникло понимание, что я читаю не женскую прозу – ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ. С поднятыми на поверхность эмоциями, присущими каждому из нас. Потом возникло ощущение, что я – ученик выпускного класса, которому тоже грустно расставаться с годами наивных и светлых чувств. И я понял, что все мы, по сути, задерживаемся в детстве – кто на большее время, кто на меньшее. Вот и героиня романа – беру на себя смелость причислить себя к близким по духу людям – именно тот задержавшийся в детстве человек, милый и наивный, трогательный и ответственный одновременно.

И вот за эту чистоту мыслей, именно за это, она и получает подарки судьбы. Подарки отнюдь не материальные, ибо как можно думать прагматично о «самой детской» подруге и о пронзительном Дмитрие Павловиче, подаривших фейерверк истинных чудес... От знакомства с Дмитрием Павловичем у меня появилось первое послевкусие. Это было интересное смешение светлых человеческих оттенков, связанных не с интеллектом – с мироощущением. Именно на мироощущении и построены характеры героев романа, и читаются они не разумом, а душой.

Чего стоит знакомство с Парижем – городом, который и я впускал в себя не один раз. С его загадками за каждым углом, тайнами легенд, с его непостижимой любовью к себе, которую несёт каждый парижанин, с готовностью делаясь ею при первой же возможности. И только от того, кто приехал в Париж, зависит, что он готов принять – атмосферу чудакватой столицы Пятой Республики или парадный лоск Города Мира. И через это знакомство ближе и роднее стала Москва, с её дворцами, бульварами, неожиданными рестораничками... Так любить можно только что-то своё, родное, прильнувшее навсегда к сердцу.

От описаний Москвы и Парижа появилось ещё одно послевкусие – со сложным смешением оттенков каштана, хрустящего снега, Kir Royal, коньяка, водки, рыжиков и пельменей. И всё это под запах новогодних петард и бой курантов на Спасской башне. И вдруг передо мной открылся неожиданный узор сюжетных линий, где одни лежат, как струны, натянутые по предполагаемой траектории, другие свободно и оттого неожиданно проходят наперез, словно подчёркивая непредсказуемость превратностей судьбы. И я понял, из таких нитей-линий соткан весь роман, и действие его воспринимаешь душой, именно она откликается на звуки потаённых струн, скрытых от глаз, но видимых сердцу. Именно это и называется человечностью. Когда книга воспринимается не текстом, а ощущениями, когда рож-

дает тот сложный и неповторимый рисунок, созданный оттенками, неяркими тонами. И все характеры героев романа в своём переплетении, словно ниточки оригинального узора, так же просты, как и замысловаты. Так же, как жизнь, как вкус хлебного мякиша, притоптанного каблучком старухи-судьбы и упавшего на лист таблицы с простыми числами. И за все эти переживания, за мои разбуженные чувства, за созвучие мыслей огромная благодарность Елене Янге.

Съеджин Пасторос

режиссёр, сценарист, автор музыкальных, игровых и документальных фильмов, дипломант российских и международных кинофестивалей и литературных конкурсов

Часть 1

Глава 1

Никто не считает, что жизнь предсказуема, однако в мистику мало кто верит. Не верила в неё и я. К весне 1992-го мне было двадцать три года, и анкетные данные умещались в три строчки: родилась в Москве, окончила французскую спецшколу, затем филфак МГУ. Всё бы хорошо, но в жизненной схеме был сбой – в семнадцать лет я потеряла отца, полгода назад – маму.

Я осталась одна, и в нашей когда-то уютной квартире стало тоскливо и пусто. В книжном шкафу стояли мамины альбомы, на фортепьяно лежали мамины ноты, в шкафу висели мамины платья. Вещи живут, а мамы нет.

Тяжелее всего было по вечерам. Чтобы растворить тоску, я выходила в Лялин переулок и шла по привычному маршруту: Лялин переулок, Воронцово Поле, бульвар, Покровка, Малый Казённый, опять Лялин, знакомый каштан. Круг замыкался, и мне казалось, всё плохое и хорошее осталось в прошлом.

Однако я ошибалась. Судьба вывела меня на поворот и посадила около него старуху. Хотя не совсем так. Старуха сидела у подъезда. Маленькая, худая, в нелепой широкой юбке, пыльных ботинках, на голове жёлтый вязаный шарф. Ни дать ни взять нищенка.

В тот вечер, остановившись у скамейки, я стала искать ключи. Почувствовав взгляд старухи, я подняла голову.

«Любопытное лицо, – мелькнула мысль. – Узкий, с горбинкой нос, широкие скулы, огромные миндалевидные глаза».

– Сядь, – приказала старуха.

Не попросила, не предложила – приказала. Я опустилась на скамейку.

– Хорошо, что поставила крест. Хорошо. – Скривив губы, старуха добавила: – Камень и есть камень. Слишком давит.

На меня повеяло могильным холодом.

– Мать надо отпустить. Пути ей ни к чему.

Я всхлипнула.

– Не одиночество хуже всего – неопределённость. Все беды от неё.

Старуха вытащила лист бумаги и положила его на землю.

– Вот погадаю, и успокоишься.

Кроме небольшой таблицы, состоящей из колонок цифр, на листе ничего не было.

– На-ка, пожуй.

В моей руке оказался хлеб. Засунув кусок в рот, я стала жевать.

– Старое гадание, издавна пришло. Поди, забыли про него.

Старуха сверкнула глазами и забормотала:

– И понеслась, полетела, змеёй зашуршала, а впереди – топь. Перескочила, закликала, крылами захлопала и поднялась.

Почувствовав на плече цепкие пальцы, я перестала жевать.

– Плюнь! – крикнула старуха.

Мякиш полетел на землю, и на него опустился пыльный каблук.

– Вот тебе и «таблетка». Теперь кидай.

– Куда?

– В квадраты, голубушка. Куда же ещё?

Подпрыгнув в руке, «таблетка» упала на лист бумаги.

– Десять. Это ещё ничего, – хрипло сказала старуха.

Она расставила ноги и, устремив взгляд на таблицу, скороговоркой начала:

– Мужчина. Рядом с ним книги. Много книг. Вот и ты, глупая. Попалась, теперь служи.

Тоска. Годы идут, и ничего нет. Осталась с пустотой.

Старуха подняла «таблетку» и, протянув мне, приказала:

– Снова кидай.

Хлебный мякиш упал на второй квадрат, и голос старухи повеселел:

– Очень хорошо. Всё-таки встретишь его. Накоротке. Полоса – узкая, небольшая, на ней – счастье. И для тебя, и для него. Однако болезнь его заберёт. Но не горюй – с тобой останется детство. Из него она и придёт.

Старуха сникла и, вздохнув, прошептала:

– Давай, ещё раз. Последний.

Я высоко подбросила «таблетку», и она опустилась на квадрат под номером сорок пять. Стащив с головы шарф, старуха бросила его на скамейку и воскликнула:

– И чего тебя туда понесло?! А он-то, гляди, – павлин павлином, а внутри – сплошное гнильё.

Погрозив кому-то неведомому палкой, старуха продолжала:

– Однако тень рядом. Она побережёт.

В моей голове царил хаос.

«Осталась с пустотой. Всё-таки встретишь. С тобой останется детство. Сплошное гнильё. Тень рядом».

Обрывочные фразы пикировали мозг и оставляли вопросы. Глядя на таблицу, я пыталась сосредоточиться: «Мужчины, загадочная “она”, и всё это как-то связано со мной».

– Много не думай, – прервала мои размышления старуха. – Послушала – и забудь. Когда надо, вспомнишь мои слова. – Тщательно отряхнув юбку, она добавила: – Вот и освободилась. Освободилась? От чего?

Я походила на сомнамбулу, и своей воли у меня не было.

– Теперь проводи.

Тяжело опираясь на палку, старуха пошла к арке. У арки она остановилась.

– Прощай, голубушка. Может, и свидимся.

Я прислонилась к стене. По переулку шли люди, ехали машины, кто-то бежал. Всё серое и безликое. Казалось, передо мной другая жизнь. В той, где я находилась, была одна только старуха. Хотя нет. Рядом сверкнули два пятна. В одном появился джип. Машина притормозила около арки, и я услышала глуховатый женский смех, почувствовала запах сигарет, дорогих духов. В другое пятно вошёл пожилой мужчина. Он был одет в коричневый замшевый пиджак, в руке держал трость. Несмотря на своё состояние, трость я запомнила. Ручка из слоновой кости, полированное дерево, на нём причудливая резьба. Мужчина спросил дорогу.

– В Москве впервые, ещё не освоился.

– Знаю, милоч, знаю, – ответила старуха.

– Хочу зайти в церковь. В Яковоапостольскую.

– Налево повернёшь и увидишь.

– Спасибо.

– Иди с Богом.

Проводив мужчину взглядом, старуха завернула за арку и скрылась. Я же поплелась домой. На скамейке висел шарф, рядом валялась таблица. Подняв листок, я увидела, что среди цифр, расположенных в девять столбцов и пять строчек, три будто выжжены.

– Десять, два, сорок пять, – прошептала я.

Засунув таблицу в карман, я отправилась спать. На другой день на меня снизошла несвойственная мне деловитость. Вспомнив желание мамы, я решила поступать в аспирантуру и стала

готовиться к экзаменам. Книги, научные статьи, словари заполнили мой мир, а библиотечная тишина Ленинки оказалась лучшим лекарством. Я расслабилась, и, воспользовавшись моментом, судьба свела меня с Олегом Александровичем.

* * *

Наша первая встреча состоялась в библиотеке, около стола заказов. Я ждала лифта, поднимавшего из хранилища книги, Олег Александрович стоял рядом и заполнял бланки. Взглянув на бланки, увидела незнакомые слова: «Асимптотика. Интегралы и ряды». Я с интересом взглянула на соседа. Высокий, атлетичный, на первый взгляд, лет тридцать пять – сорок. Мужчина протянул библиотекарю бланки и повернулся ко мне в профиль.

«Похож на римского сенатора. Правда, подбородок несколько тяжеловат», – подумала я.

Почувствовав мой взгляд, мужчина повернулся. Его близорукие глаза вопросительно посмотрели на меня, и по лицу пробежала тень.

– Я нарушил очередь?

– Нет-нет. Я уже сдала свой заказ.

– У вас проблемы?

– Нет. То есть да, – ответила я и смутилась.

Мужчина пожал плечами и отвернулся.

– Девушка, ваши книги пришли – забирайте.

Поспешно собрав книги, я направилась в читальный зал. В зале – два свободных места: одно у двери, другое в углу. Я подошла к угловому столу, вывалила на него книги и посмотрела на соседний. Он был завален книгами и научными журналами. По всей вероятности, хозяин отправился на перекур или в столовую. Я погрузилась в статьи и не заметила, как прошло три часа. Решив перекусить, поднялась из-за стола. Мой сосед – тоже.

Да это математик из очереди!

Мужчина пошёл за мной.

Неужели решил познакомиться?

Признаюсь, эта мысль не вызвала раздражения.

– Простите мою назойливость, но, как это ни банально, хотелось бы...

Я обернулась. В серых глазах мужчины – беззащитность и растерянность. По-видимому, математик был смущён.

– Не в моих правилах знакомиться на ходу, – опять заговорил он, – но...

– Рита, – коротко представилась я.

– Олег Александрович.

Математик облегчённо вздохнул. Войдя в столовую, мы направились к стойке с комплексными обедами.

– Позвольте задать вопрос. – Я прервала затянувшуюся паузу и повернулась к новому знакомому.

– Слушаю.

– Случайно увидела ваши бланки. Одно слово запало в память и не даёт покоя.

– Готов помочь.

Олег Александрович достал из кармана белоснежный платок и аккуратно вытер узкие губы.

– Это слово – «асимптотика». Что оно означает?

– Извините, вы кто по специальности?

– Филолог.

– Ваш интерес очевиден. В переводе с греческого «асимптота» – это «несовпадающий».

– ???

– Если посмотреть на слово с точки зрения математика, это бесконечная кривая, стремящаяся к прямой.

– Кривая, стремящаяся к прямой, – повторила я.

– Вот именно.

Взглянув на пустые тарелки, Олег Александрович предложил:

– Не хотите ли прогуляться?

– Согласна.

Мы вышли из библиотеки к Александровскому саду.

– Вернёмся к нашему разговору, – пытаюсь подстроиться под мой шаг, сказал Олег Александрович. – Асимптотическая формула связывает сложную функцию с более простой.

Увидев растерянность на моём лице, Олег Александрович улыбнулся.

– Мистеру Икс соответствует определённая мисс Игрек. Представили?

– Более-менее.

– Вот и хорошо.

Олег Александрович остановился, поднял ветку и нарисовал на дорожке крест.

– Допустим, это – две оси, – показав на крест, сказал он. – На каждой сидит бесконечное множество точек. На горизонтальной оси – точки мистера Икс, на вертикальной – мисс Игрек. «Как бы нам встретиться?» – думают они.

– Разве это возможно?

– Почему бы и нет?

Олег Александрович нагнулся и дополнил рисунок. Жирная косая линия пересекла крест и убежала в траву.

– Вот взгляните. Точка мистера Икс решила попутешествовать. Она добежала до косой линии и остановилась. И в этот момент мисс Игрек дала команду.

– Кому?

– Некой определённой точке.

– Почему определённой? – удивилась я. Мне было непонятно. – Может, прогуляться решила какая-нибудь другая точка.

– Зачем устраивать бардак? – возмутился Олег Александрович. – К косой линии побежит та, что соответствует точке мистера Икс.

– И что же дальше?

Объяснение Олега Александровича завораживало. В его словах чувствовался не математический, а житейский смысл. Можно даже сказать, определённая философия.

– Дальше всё просто. Точка У добежит до линии и сольётся с точкой Х. Они превратятся в целое и будут сидеть на одном месте. То же самое произойдёт и с другими точками. Они найдут свои пары и займут на графике нужные места.

– И будут вместе, – заметила я.

– Да, вместе, – согласился Олег Александрович.

Искоса взглянув на меня, он добавил:

– Только надо учесть, что каждому У будет соответствовать строго определённый Х.

– Поняла. Не любой, а тот, что находится в прямой зависимости.

– Совершенно верно, – обрадовался Олег Александрович. – Математика – наука о строгом соответствии. Здесь не может быть хаоса. Одно соответствует другому, а между ними – строгие законы и логические связи.

* * *

Впоследствии этот крест я вспоминала не раз. Время от времени его перерезала жирная косая линия, и к ней устремлялись множество точек. Они сливались друг с другом и, усевшись на линии, повторяли одну и ту же фразу: «Одно соответствует другому, одно другому». В этой фразе была настоящая, я бы даже сказала, сермяжная правда, и в то же время...

В то же время всё чаще и чаще хотелось разворошить точечный порядок. Я даже представляла, как это будет – нет ни строгих осей, ни жирной косой линии, ни множества точек. На дорожке лежит песок, и каждая песчинка сама по себе – свободна и независима.

Однако эти мысли возникли позже, а тогда... Тогда мне было двадцать три, и рядом появился человек, который мог всё объяснить.

Мы стали встречаться. Степенные разговоры, которые так любил Олег Александрович, успокаивали и возрождали интерес к жизни. Я училась мыслить логически и получала ответы на многочисленные вопросы. Моя излишняя эмоциональность подавлялась спокойными рассуждениями; грёзы, не успев поднять голову, утопали под слоем чёткой информации. Я вошла в запрограммированное русло и тихо поплыла.

Поведение Олега Александровича было безукоризненным: любезен, внимателен, интеллигентен. Он был похож на ходячую энциклопедию. Что ни спроси, ответит; о чём ни заговори, знает. Его ненавязчивое ухаживание, неторопливая манера общения вылечили мои душевные раны, и я предложила ему жить вместе. Олег Александрович не возражал и переехал с Фрунзенской набережной, где жил вдвоём с мамой, ко мне – в Лялин переулок.

Глава 2

Мама Олега Александровича, Татьяна Леонидовна, была театральным критиком и любила поговорить об актёрах и драматургах. Будучи у неё в гостях, я часто встречала чету Муровых, и казалось, что наша компания походит на участников небольшого литературного салона. Анна Семёновна и Валерий Алексеевич Муровы могли говорить долго и о чём угодно. Так, например, однажды разговор зашёл о чае. Татьяна Леонидовна поставила на журнальный столик изящные чашки из китайского фарфора и, разливая чай, сказала:

– Зелёный чай сейчас в моде. Признаюсь, не сразу к нему привыкла.

– Экзотика, – причмокнув толстыми губами, воскликнул Валерий Алексеевич.

– Олег говорит, зелёный чай мягче, в нём много витаминов, но, знаете ли, многолетняя привычка пить чёрный чай даёт себя знать.

– Да-да. В нашем возрасте трудно менять привычки, – вступила в разговор Анна Семёновна. – Головой понимаешь – полезно. Ан нет, рука тянется к маслу, сырокопчёной колбасе и традиционной заварке.

– Всё это так. Однако в нашем возрасте надо прислушиваться к мнению диетологов. С их лёгкой руки зелёный чай сейчас весьма популярен. Читала, в нём нет калорий, а тонизирующий эффект очень высок.

– Что вы говорите! Никаких калорий? – вскрикнул Валерий Алексеевич и повернулся к жене: – И нам, Аннушка, не мешало бы перейти на зелёный чай.

– Право, не знаю.

– А вы попробуйте «Зелёную жемчужину», – вступил в разговор Олег Александрович. – Я рекомендовал его и маме, и Маргарите. – Олег Александрович тепло посмотрел на мать, затем на меня и продолжал: – «Зелёная жемчужина» растёт в Китае, и порой её называют «Жемчужиной дракона».

– Как романтично, – закатил глаза Валерий Алексеевич. – Люблю, когда обеденная церемония сопровождается легендами.

– В данном случае, Лерочка, не обеденная – чайная, – заметила Анна Семёновна.

– Не спорю, не спорю. – Валерий Алексеевич повернулся к жене и поцеловал её руку.

– Но почему же «Жемчужина»?

– Потому, что молодые побеги скручивают в маленькие шарики, – ответил Олег Александрович.

– Ты говорил, внутри этих шариков находятся распутившиеся почки, – добавила Татьяна Леонидовна.

– Да, так рассказывал продавец.

– Олег покупает чай только в специальных магазинах – он не любит подделок.

– Кто же их любит, любезная Татьяна Леонидовна? Другое дело, не все могут отделить зёрна от плевел. – Валерий Алексеевич взял очередное пирожное. – Вы уж извините меня, Олег Александрович, но я скажу. Такого светлого ума, как у вас, не встречал. Нет, не встречал.

– Помилуйте, так и захвалить можно, – воскликнула Татьяна Леонидовна. – Начали с чая, закончили умом.

– Что есть, то есть, Татьяна Леонидовна. Не постесняюсь милой барышни, которая, к слову сказать, украшает наше чаепитие, – выскажу своё мнение: Олег Александрович – выдающийся учёный.

– Давайте лучше поговорим о чае, – улыбнулся Олег и положил в тарелку Валерия Алексеевича три пирожных.

– Спасибо, друг мой. Слаб я на сладкое, ох как слаб! Анна Семёновна не даст соврать.

– Будем считать, это твой единственный недостаток, – заметила Анна Семёновна, поправив салфетку на коленях мужа.

– Я вам не рассказывала, кто Риточкины родители? – спросила вдруг Татьяна Леонидовна.

– Интересно, интересно.

Страхнув крошки с колен, Валерий Алексеевич умилённо посмотрел на хозяйку.

– Ритин папа – знаменитый лётчик-испытатель, а мама – искусствовед

– Что вы говорите?! А как имя-отчество вашего батюшки? – обратился ко мне Валерий Алексеевич.

– Владимир Максимович Белых, – ответила я.

– С удовольствием познакомился бы.

– Он погиб, когда мне исполнилось семнадцать лет.

– Как это ужасно!

Анна Семёновна в волнении подняла пухлые ручки и прижала их к шее, переходящей в три подбородка.

– У Маргариты были славные родители, – продолжил разговор Олег Александрович. Он сделал ударение на слове «славные» и посмотрел в мою сторону. – К сожалению, они так мало прожили.

– Милая вы моя, как вам одиноко! – Валерий Алексеевич потянулся через стол и сочувственно пожал мою руку.

Я вздохнула. Острая боль меня уже отпустила, однако чувство утраты ещё не прошло.

– Мама Маргариты, Елена Павловна, имела благородное происхождение. – Олег Александрович обнял меня за плечи.

Он сидел рядом и прижимался ко мне своим большим телом.

– Она из рода Лопухиных.

– Бог ты мой! В это трудно поверить.

– Лерочка, ты сказал бестактность, – воскликнула Анна Семёновна и строго посмотрела на мужа. – Что значит «трудно поверить»?

– Язык мой – враг мой. Право, не думал сомневаться.

– Покойная бабушка Маргариты – урождённая княжна Лопухина, – заметил между тем Олег Александрович.

– Это не имеет никакого значения, – вмешалась я. – О своих корнях я узнала недавно. Мама рассказала бабушкину историю только перед смертью.

– Какая скромность! – Анна Семёновна сладко посмотрела на меня и обхватила руками уже не шею, а полные щёки.

– Думаю, в своём молчании Елена Павловна была абсолютно права, – проговорила Татьяна Леонидовна. – Разве вы забыли, в какое время мы жили?

– Как же, как же... Меня, например, при поступлении в институт просили заполнить анкету... – Валерий Алексеевич округлил глаза и сделал паузу. – Одним из пунктов было: «ваше социальное происхождение».

Анна Семёновна перевела взгляд с тарелки на мужа:

– Тоже мне вспомнил! В каком году ты поступал в институт?

– Сразу после войны.

– После войны от дворян и памяти не осталось. Те, кто остался в России, сменили фамилии и постарались забыть о своём происхождении.

– А те, кто не забыл, очутились в ГУЛАГе, – добавила Татьяна Леонидовна.

– Слава Богу, сейчас другие времена.

Валерий Алексеевич выпрямил спину и обвёл присутствующих блестящими глазами.

– В наше время благородное происхождение в моде. Я читал, что появились Российское Дворянское Собрание и Геральдический совет.

– Да-да, – перебила Татьяна Леонидовна. – Моя знакомая даже заказала составление своего генеалогического дерева.

– Интересно, – улыбнулась Анна Семёновна. – Вы тоже изучаете генеалогию?

– Я? Нет, у меня и других дел достаточно. – Татьяна Леонидовна бросила на Анну Семёновну взгляд кобры и обиженно замолчала.

– Что говорить, проблема существует, – не замечая пикировки дам, заявил Олег Александрович. – Однако, если ею заняться, родственников Маргариты можно найти.

– К сожалению, у меня нет в России родных, – вздохнула я.

– Откуда ты знаешь? Может, кто-то и остался, – возразил Олег Александрович. – Не здесь, так за границей.

Не скрою, внимание к моим корням было приятно. Я с симпатией взглянула на людей, сидящих вокруг стола, и благодарно улыбнулась.

– Отыскать родственников – ваш долг, Риточка, – сказала Татьяна Леонидовна. – Долг перед предками.

Она встала с кресла и заходила по комнате. Её полная фигура излучала такую решительность, что я подумала:

«Несмотря на рыхлость, она энергична».

– Надо пораскинуть мозгами, – продолжала Татьяна Леонидовна. – Если постараться, можно найти тех, кто имеет отношение к поиску родственников.

– Вот это правильно! – вскочил со своего места Валерий Алексеевич. – Тогда Маргарита Владимировна будет не так одинока.

– По-моему, Рита не одинока, – одёрнула мужа Анна Семёновна. – У неё есть Олег Александрович.

Я смутилась и покраснела.

– Очаровательно! – рассмеялся Валерий Алексеевич. – Будто тургеневская барышня. – Внимательно посмотрел на меня и добавил: – Какие у вас тонкие черты лица! Сразу видно благородное происхождение.

Олег Александрович прижался ко мне, а Татьяна Леонидовна с гордостью посмотрела сначала на меня, затем на сына.

Глава 3

С тех пор прошло тринадцать лет. Мои родственники так и не нашлись, Олег Александрович по-прежнему жил у меня, а я, забросив учёбу в аспирантуре, стала работать в лицее преподавателем литературы. За это время Олег защитил докторскую диссертацию, написал множество научных статей, возглавил отдел института теоретической математики. Казалось, всё хорошо. Однако на подсознательном уровне я понимала: в моей жизни, что-то не так. Мир, окружавший меня, был зарегулирован и размерен. Дом, лицей, ежедневное общение с Олегом Александровичем, подруги – Лялька и Нюта. Я чувствовала, что чего-то не хватает. Тысячу раз задавала вопрос: «Чего?» Сначала думала, не хватает собственных детей и официального статуса жены. Затем поняла – эти проблемы вторичны. Первична другая – нет любви. Настоящей мужской любви.

Как только я это поняла, восторженность куда-то улетучилась, подобострастие испарилось, а вместе с ними исчезло желание открывать душу и что-то объяснять. Олег Александрович отреагировал мгновенно. Его взгляд стал напряжённым, а критика, направленная в мой адрес, приобрела ядовитый оттенок. Между нами повисла напряжённая тишина. Тягучие мысли обвилились вокруг моей шеи, и я почувствовала, что задыхаюсь в собственном доме.

– Взрослеешь, – выслушав меня, сказала Анюта.

Лаконичный вывод подруги навёл на мысль, что изменения, происходящие во мне, ведут к неизбежному семейному кризису. Я стала по-другому смотреть на собственную жизнь, видеть то, чего не видела раньше. В голове появилось бесчисленное количество мыслей, они жужжали, как разбуженный улей, и давали многочисленные советы. Слушая их, я погрузилась в меланхолию и думала о своей пресной, одинокой жизни: «Детей нет, с мужем в гражданском браке, впереди старость».

Однако не говори «никогда». Второе предсказание старухи стучалось в дверь и было готово разворошить мою семью и многолетние привязанности.

Чудеса начались за неделю до Нового года.

* * *

Серый рассвет ещё вставал над Москвой, за окном были видны только ветки каштана и контуры соседнего дома. Я проснулась в полном миноре и побрела на кухню. Настольная лампа освещала круглый стол, большой холодильник слабо урчал под никелированной поверхностью, в кресле сидел Олег Александрович и просматривал утреннюю газету.

– Как настроение? – спросил он.

– Ничего, – вяло ответила я и поставила на плиту кофейник.

– Выглядишь, прямо скажу, неважно.

– Наступила зима.

– Давно пора. Теперь можно вздохнуть с облегчением – свежий морозный воздух, скрипящий снег под ногами...

– Грязь, перемешанная с солью, ветер, пронизывающий до костей, – продолжала я.

– По-моему, ты не выспалась.

– Зимой холодно и грустно. Наверное, я баропат.

– Хм... Думаю, тебя нужно отнести к другой категории.

Я застыла и вопросительно посмотрела на Олега.

– Боюсь, к категории психически неуравновешенных людей, – неожиданно сказал он и пружинисто встал.

Ничего себе заявление. Впрочем, как ему угодно.

Противная слабость разливалась по всему телу, и доказывать, что я психически уравновешенный человек, мне было лень. Грея руки о чашку, я задумчиво смотрела в окно.

Вот и каштан замёрз. Расставил обледеневшие ветки в разные стороны и просит о помощи.

– У меня сегодня напряжённый день. Заседание в Академии наук, пара встреч. По всей вероятности, домой приду к семи.

– Поняла, – наливая вторую чашку кофе, отозвалась я.

– Приготовь, пожалуйста, к ужину какое-нибудь мясное блюдо.

– Я собиралась сделать антрекоты.

– Вот и хорошо. Зимой надо лучше питаться. В нашей полосе, чтобы согреться, требуются большие энергозатраты.

– ???

– Думаю, зимой не случайно варят щи на жирном бульоне.

– В твоём возрасте не надо злоупотреблять жирной пищей.

– Что ты имеешь в виду?

– Сам понимаешь, сосуды.

– С сосудами у меня всё в норме, – с раздражением сказал Олег Александрович. – Лучше со своими сосудами разберись. Посмотришь на тебя утром...

Олег Александрович достал дублёнку и без всякого перехода заметил:

– Хорошая дублёнка.

– Да, в ней ты выглядишь вполне респектабельно.

Я уже проглотила второй «комплимент» и была готова продолжить утренний разговор.

– Можно подумать, что без дублёнки я выгляжу нереспектабельно, – обиженно заявил Олег Александрович, остановившись на пороге.

– Ты не так понял.

– Значит, надо точнее выражать свои мысли. Ты же словесник, в конце концов.

– Ладно, проехали, – миролюбиво сказала я и, привстав на цыпочки, подставила щёку для поцелуя.

– Что за школьно-студенческий сленг – «проехали»! – брезгливо воскликнул Олег и закрыл за собой дверь.

– Осталась без утреннего поцелуя, – вздохнув, пробормотала я и отправилась на кухню за третьей чашкой кофе.

До выхода на работу оставалось ещё некоторое время, и, устроившись в кресле, я предавалась неторопливым размышлениям: «Мрачный он всё-таки человек. Совсем не умеет радоваться. И тем не менее я прожила с ним тринадцать лет. Но почему?»

Я вопросительно подняла бровь и посмотрела на каштан. Чаще всего он был моим бессловесным собеседником.

«С точки зрения простого обывателя, Олег Александрович – мечта любой женщины. Доктор наук, перспективный учёный. Конечно, изъяны в нём есть... Взять, например, историю с женой и сыном. Ушёл из семьи, когда Никите было два месяца. Это нехорошо. Конечно, он принимал участие в судьбе сына: звонил, передавал деньги, дарил подарки, гулял с ним. Иногда даже приводил Никиту домой и оставлял ночевать».

Я встала с кресла и пошла одеваться. Мысль об официальной жене Олега по-прежнему крутилась в голове.

«Кажется, в молодости она работала лаборанткой. Скорей всего, в том же институте, что и Олег, – продолжая собираться на работу, думала я. – Сейчас Никита взрослый парень. Значит, Олег ушёл двадцать два года назад».

Я закрыла дверь и вошла в лифт.

Но почему он не развёлся?

Этот вопрос озадачил меня в очередной раз, и, размышляя на эту тему, я спустилась вниз.

– Какая встреча! Куда собралась?

Не успев выйти из лифта, я попала в душистые объятия Ляльки.

– Как тебе нравится? – спросила она.

– Что?

Предыдущая мысль унеслась вместе с лифтом, и теперь я принадлежала только себе и Ляльке.

– Ты что, не чувствуешь?

– Новые духи?

– Точно. Решила себя порадовать.

– Какой загадочный запах!

На самом деле я еле улавливала запах Лялькиных духов. Причина была проста и банальна: мой нос бастовал против холода и отказывался служить по прямому назначению.

– А то!

Лялька сделала круг перед почтовыми ящиками и томно закинула голову.

– Какая хозяйка, таков и запах.

– Откуда идёшь?

– С утра забежала в магазин, прогулялась ...

Лялька встала в позу манекена и многозначительно застыла.

– Трудно понять, что ты изображаешь, однако разгадывать загадки мне не с руки. Спешу.

– У тебя уроки? – Лялька перестала позировать и нажала кнопку вызова лифта.

– Да, красавица моя. С четвёртого по седьмой.

Моё внимание привлекли Лялькины ногти, и я ахнула:

– Накладные?

– Не совсем так. Правильней сказать, нарощенные.

Она задумалась и, взглянув на свои розовые ноготки, с сомнением сказала:

– Или наращённые. Не знаю, как правильно.

– Тоже подарок себе?

– Ритуль, ты меня удивляешь. Кто ж о нас будет заботиться?

– Только мы сами, – ответила я и, посмотрев на часы, бросилась вниз по лестнице.

– Было бы хорошо, если бы ты почаще вспоминала эти слова, – услышала я вслед и в ту же минуту выбежала из подъезда.

Лялька права. Совершенно права. Надо научиться заботиться о себе.

Однако эта мысль не задержалась в голове, она исчезла на отрезке подъезд – угол дома. Направляясь к Покровскому бульвару, я вспомнила, что завтра родительское собрание, и нахмурилась. Дело в том, что я не любила собраний вообще и родительских в частности. Сколько себя помню, я проводила собрания оперативно и старалась беседовать с родителями или лично, или по телефону. Однако в этом году коротких собраний не получится. Мой класс выпускной, и вопросов для обсуждения достаточно. Например, пора начинать разговор об экзаменах, последнем звонке, выпускном вечере... Вместе с тем, мне давно хотелось выступить с так называемой «тронной» речью, однако я всё откладывала.

«Всё-таки надо выступить», – думала я, переходя Покровский бульвар. – В конце концов, учителя столько возились с детьми, что можно послушать и о наших проблемах. К тому же многие из родителей – люди со связями. Глядишь, наш голос до верхов долетит».

Я перебежала дорогу и начала внутренний монолог.

«Думаю, вы согласитесь: учить детей – это тяжёлый труд, – сделала я небольшое вступление. – Однако у каждого из вас один или два ребёнка, в крайнем случае – три. Теперь представьте, что их тридцать. Тут уже возникают проблемы не в первой степени, а, как говорит

мой муж, в десятой и так далее. Именно поэтому очередей на наши должности не наблюдается. Здесь я даже не обсуждаю вопрос зарплаты, хотя иногда хочется сказать: “А на Западе учителя получают...” Попробуй такое сказать, и чиновник от образования тут же ответит: “Мы живём не на Западе, а в России, а учителя – часть передовой интеллигенции. Следовательно, должны работать за идею”. Не спору. Однако всё чаще и чаще мы, российские учителя, думаем, что нас кинули. Другого слова не придумаешь. Всё равно как лягушку из старой притчи. Однако лягушку кинули в сливки. А нас куда? Я отвечу так: нас бросили в джунгли. А там, как известно, выживает сильнейший. Не мудрейший, позволю заметить, а сильнейший. Вот и приходится выживать: две ставки в школе, в свободное время – репетиторство, вечером – домашние дела».

Я вошла в роль и, остановившись посреди дороги, оглядела ряды снующих мимо машин. В этот момент я вся была там – на воображаемом родительском собрании: «И в то же время есть что-то неуловимо притягательное в нашей профессии. Она как запах хороших духов – есть первая нотка, вторая, а в памяти остаётся третья».

Я глубоко вдохнула и ринулась на другую сторону дороги.

– Ненормальная, – слышался возмущённый голос.

Прошмыгнув перед огромным джипом, я виновато махнула рукой.

– Ты что? – возмутился шофёр. – На кладбище торопишься?

– В школу, – ответила я и прыгнула на тротуар.

– Училка, значит. Все вы с прибабахом.

Джип взревел и умчался

– Точно, с прибабахом, – согласилась я и потрусила дальше.

До лица оставалось пять минут ходьбы, и я поспешила закончить речь:

«Так вот. Те, кто чувствует третью нотку, из школы не уходят. Знаете почему? Они чувствуют другую энергетику и живут в молодой и здоровой среде».

В подтверждение этой мысли я кивнула, и шапка чуть не свалилась мне под ноги. Нахлобчив её до бровей, я продолжала:

– Вы никогда не обращали внимания, насколько моложе выглядят учителя, которых дети любят или уважают? Я не придумываю, это факт.

Я гордо подняла голову и замедлила шаг.

«Без любви выжить в нашей профессии невозможно. Поэтому по большому счёту в школах остаются лишь те, кто по-настоящему предан детям. И тогда... Тогда появляется удивительная гармония, награда за которую – некоторое неосязаемое нечто. Его не измеришь деньгами, его трудно объяснить, невозможно показать. Думаю, оно объединяет в себе то, что ни дети, ни мы, взрослые, недополучили дома.

Я остановилась у ворот лица и посмотрела на высокую решётку.

Хорошо сказано. Но не поймут. Ещё подумают, как шофёр джипа: «А наша Маргарита Владимировна, оказывается, с прибабахом!» Лучше поговорю о предстоящих ЕГЭ.

Глава 4

Войдя в лицей, я встретила Нюту.

– Прикинь, Адамыч запретил новогоднюю дискотеку, – нервно сказала она. – Ну не козёл? Видите ли, приказ Департамента образования.

– При чём тут Департамент?

– Эпидемия гриппа, милочка. Нельзя проводить массовые мероприятия.

– Значит, новогодний концерт отменяется?

– Сказала бы я...

Возмущённо махнув рукой, Нюта двинулась к своему кабинету. Её крутые бёдра угрожающе ходили из стороны в сторону, короткие ножки, казалось, вбивали в пол огромные гвозди.

Я взглянула на дверь директорского кабинета и тяжело вздохнула.

А как же быть с детьми – с теми, кто не болеет гриппом?

Звонок на урок подстегнул, и я резво взяла старт. Нога неожиданно подвернулась, и лежать бы мне на линолеуме, не окажись рядом... директора. Он подхватил меня за талию и елеинным голосом сказал:

– Опаздываете, Маргарита Владимировна. Нехорошо.

– Уже бегу, Александр Адамович, бегу.

Я оттолкнулась от директора и затерялась в толпе детей, спешащих на урок.

И надо было нарваться на Адамыча! Сейчас напротив моей фамилии поставит изящную закорючку. Потом другую, третью... Через месяц вызовет в кабинет – и начнётся: «Маргарита Владимировна, надо принять участие в конкурсе “Учитель года”». Попробуй откажись. Директор постучит толстым пальцем по списку и... Тут ты и попалась. Считай, три месяца из жизни выкинуто. Уроки напояз, куча бумажек, масса ненужных разговоров, улыбки дамам и господам из Департамента образования. А результат? Для работы – ноль, а может, и минус. Для Адамыча – плюс. Учителя принимают участие в престижных профессиональных конкурсах. Для дам и господ из Департамента – тоже плюс: они провели очередное мероприятие. А детям сорвали новогодний праздник. И ничего, всем комфортно.

С четвёртого по шестой уроки я работала в девятых классах. На седьмом уроке был объединённый семинар 11 «Б». Сочинения проверять было лень, поэтому я решила разобрать тему «Судьба человека в произведениях Шолохова и Солженицына» устно. Те, кто знаком с преподавательской деятельностью, знают: такие семинары с бухты-барахты не проводят. Лицей у нас гуманитарный, дети отобранные, поэтому уже за неделю до предполагаемого семинара я попросила ребят перечитать «Судьбу человека», «Матрёнин двор» и «Один день Ивана Денисовича», а заодно составить краткий план-конспект.

Надо сказать, 11 «Б» – это мой класс. В нём я преподаю литературу и выполняю кураторские обязанности. Кураторами в лицее называют классных руководителей. В наши задачи входят поездки, выступления, трудовая практика, родительские собрания и прочие внеклассные мероприятия. Реально это означает, что днём и ночью мы отвечаем за своих учеников, помогаем им адаптироваться не только в лицее, но и в жизни. Подобные обязанности приводят кураторов «в полный восторг». То, чего не делают родители для своего единственного ребёнка, мы, профессионалы, должны сделать для тридцати человек за четыре года. В результате такой работы учителя, вложившие в «зайчиков» собственную душу, к концу учебного года чувствуют себя совершенно разбитыми. В настоящий момент я подходила к этому рубежу, и всякий раз, когда смотрела на своих ребят, сердце сжималось, а в голове пульсировала лихорадочная мысль: «Скоро уйдут, уйдут, уйдут...»

Эта пульсация походила на стук колёс поезда: «Тук-тук, уйдут... тук-тук, уйдут». В такие минуты я сжимала виски и закрывала глаза. Мне виделась одна и та же картинка. По блестящим рельсам несётся длинный поезд. В поезде много-много красивых вагонов. В каждом из вагонов около тридцати детей и один взрослый. Поезд мчится вперёд. За окнами проносятся леса, поля, города, мосты. В вагонах кипит бурная и весёлая жизнь, всем хорошо и комфортно. В какой-то момент поезд начинает замедлять ход, и его обитатели, чувствуя близкую остановку, начинают ражироваться. Смех становится тише, разговоров всё меньше. Наконец поезд останавливается и пара-тройка вагонов пустеет. Выпускники выходят на перрон, а те, кто остаётся в поезде, грустно смотрят вслед. Раздаётся гудок, вышедшие на перрон вытирают слёзы и долго смотрят вслед уходящему составу. Они понимают: поезд увозит их детство.

«Тук-тук, вперёд, – стучат колёса. – Тук-тук, ушли». Некоторое время в вагонах царит тишина, но вот уже новая остановка, и в поезд входят другие ребята. Начинаются иные разговоры. То там, то тут раздаётся смех, и жизнь в поезде налаживается. И так из года в год. Дети меняются, а мы, взрослые, остаёмся. Кажется, учителя – вечные пленники этого поезда, кажется, мы ему служим. У нас нет личной жизни, нет постоянного общения со взрослым миром. Наша задача особая – мы сопровождаем детей в будущее.

Вот и сегодня, посмотрев на свой 11 «Б», я услышала стук и зажмурилась. Простояв так несколько минут, я почувствовала тёплое дыхание возле уха.

– Маргарита Владимировна-а-а!

Я вздрогнула. Тридцать пар глаз смотрели на меня и ждали.

– Ждали? Чего ждали? – спросите вы меня.

– Когда я вернусь в реальную жизнь.

– Вы же учитель. Должны, голубушка, держать себя в руках.

– Верно. Со стороны это выглядит ужасно нелепо. Учитель стоит перед классом зажмурившись и вздрагивает.

– Да, зрелище ещё то. Так и хочется пригласить вас к директору.

– А вот этого делать не надо, – быстро реагирую я. – Директор – это чиновник. Поэтому ничего не поймёт.

– А кто же поймёт?

– Мои ребята, – отвечаю я и смотрю на обращённые ко мне лица. – Они знают, время от времени я уношусь в фантазии и начинаю разговаривать сама с собой.

– Это не лицей, а дурдом какой-то.

– Маргарита Владимировна-а-а! – слышу я опять густой баритон. – Всё тип-топ?

– Тип-топ, – говорю я и улыбаюсь высокому парню, стоящему прямо предо мной. – Я уже с вами. Спасибо, Петя.

– Мои мысли – мои скакуны, – громко говорит Петя.

– Это цитата?

– Строчка из песни Газманова, – кричит Пуся.

Её пухлые щёчки дёргаются, и две ямочки на щеках весело подпрыгивают.

– Хорошая строчка. «Мои мысли – мои скакуны». Это как раз про меня.

Ребята смеются, начинают разговорчики-междусобойчики и на время обо мне забывают.

– Пожалуй, начнём, – говорю я.

Ребята замолкают. Я делаю паузу и иду между рядами. Опытные учителя, как и хорошие актёры, умеют делать долгие паузы. После таких пауз, как правило, внимание детей собирается в нужный фокус.

– Начнём с того, что коротко вспомним о судьбе главных героев воображаемого сочинения.

Я останавливаюсь у доски и, вытянувшись в струнку, становлюсь будто бы выше ростом. Мои ноги, в туфлях на высоком каблуке, напрягаются, и я чувствую себя скаковой лошастью, стоящей в ожидании выстрела стартера.

– Пожалуй, начну, – раздаётся голос Саши Гламурова.

– Поехали, – отвечаю я и отхожу к двери.

Стоять сейчас рядом с Шуриком значит нарушить правила игры. Теперь центром внимания должен быть только он. Откинув назад длинные волосы, Шурик гасит улыбку, обычно не сходящую с его лица, и начинает:

– Надо сказать, судьба героев рассматриваемых произведений не вызывает ни малейшего желания ёрничать или шутить. Более того, перечитывая Шолохова и Солженицына, я ловил себя на мысли, что жизни Соколова, Шухова, Матрёны во многом похожи. Лишения, страдания, потери, борьба за выживание. Какие чувства могут возникнуть у нормального человека, следящего за их судьбой? По-моему, очевидно – щемящая грусть и жалость. Возьмём, например, судьбу Андрея Соколова. Русский мужик. Добрый и порядочный. Всю жизнь трудился не покладая рук. И что дальше? А дальше война. Сначала погибает его семья. Затем плен, далее гибель последнего оставшегося в живых сына. Кажется, после таких ударов не встать, а если и встанешь, то или ожесточишься, или сопьёшься.

– Это бывает чаще всего, – тихо заметила я.

– И их можно понять, – горячо продолжает Шурик. – Война войной, но именно *ты* потерял всё. Как жить? Ради кого? Ведь, согласитесь, это не праздные вопросы. В жизни любого человека должен быть смысл.

Шурик обвёл класс горящими глазами и замолчал. Все ждали продолжения. На лицах ребят я видела не равнодушие, не мысль, что Шурик старается за отметку, а настоящее человеческое понимание. Каждый примеривал ситуацию на себя.

«Молодец, зацепил», – подумала я.

Шурик подошёл к доске и взял мел. Нарисовал кружок, затем палочку, ещё одну... Ребята следили за прыгающей рукой, в их глазах появился знакомый блеск.

– Вот Андрей Соколов, – сказал Шурик.

Он показал на кружок, нарисованный на доске.

– А вот – тысячи других людей. По их судьбам тоже проехала война. Девушки не вышли замуж – не хватило женихов; кто-то потерял дом; кто-то...

Шурик замолчал и тряхнул волосами.

– Что говорить, у каждого своё. Но мы говорим не обо всех, а об Андрее Соколове. Он как в фокусе фотоаппарата. И среди тысяч людей – он *один*. Со своими мыслями, проблемами, со своим одиночеством. Кому он нужен?

Шурик постучал по кружку.

– Щетина на небритых щеках, растерянная улыбка, грустные глаза. Андрей Соколов мог бы жениться, иметь собственных детей...

– То есть приспособиться к жизни, – заметила Пуся.

– А хоть бы и так. Никто бы не осудил. Мало того, именно это, с точки зрения обывателя, было бы правильным.

– А он себе хомут на шею, – продолжала Пуся.

– По-другому не скажешь, – согласился Шурик. – Одно дело ты один, другое – пригреть беспризорника. Сколько их, таких мальчишек? Попробуйте перекинуть мост в наше время. Я читал, в нынешней России миллион беспризорников. И что-то не слышно, чтобы их кто-то пригрел.

Шурик замолчал и провёл рукой по лбу. Меловая полоса прорезала лоб, и лицо Шурика стало растерянным и беспомощным.

– Какое же надо иметь сострадание, – тихо сказал Шурик, – чтобы забыть про собственные беды ради желания доставить радость незнакомому мальчику! Я бы так не смог.

– Смог бы, – воскликнула Пуся и вскочила со своего места.

Шурик благодарно посмотрел на маленькую пухлую девушку и пошёл на своё место.

– Я продолжу, – решительно сказала Пуся. – Теперь поговорим о Матрёне.

Она обвела класс круглыми чёрными глазами и заговорила:

– Судьба героини Солженицына тоже не сахар. Хотела выйти замуж по любви, но где там... Довоенная деревня, работа с рассвета до заката. Какая тут любовь!

– При чём тут деревня? Думаешь, в деревне не бывает любви? – язвительно спросила красавица Лера.

Пуся запнулась и посмотрела на третью парту около окна. Остальные последовали её примеру. Лера повернулась на стуле и, выставив в проход красивые длинные ноги, заметила:

– Любовь, Пуся, может быть везде. И в деревне тоже.

– Не спору.

– Любовь может возникнуть и среди каторжных, – продолжала первая красавица класса. – Было бы только желание...

Она сделала паузу и многозначительно посмотрела на Петю.

– Немного отвлеклись, – вклинилась я. – Продолжай, Пуся.

«Лера как всегда, – подумала я. – Что называется, показала себя. Жаль, за красивым личиком маловато мыслей».

Я оторвалась от двери и переместилась в дальний угол класса.

– Короче, Матрёна вышла замуж за нелюбимого человека, – продолжала Пуся. – Родила шестерых детей, спустя некоторое время их похоронила. Решила, что на ней порча.

– Пуся, как всегда, лаконична, – заметил Миша Фигус.

– Стараюсь. Что зря языком молоть?

Пуся взглянула на Леру, затем на меня.

– Надеюсь, к присутствующим твоё замечание не относится? – спросила я.

– Что за вопрос? – Распахнув чёрные глаза, Пуся взмахнула руками. – Вы, Маргарита Владимировна, и все наши говорят только по делу.

– Продолжим обсуждение. Пуся пусть отдохнёт. Миша!

Фигус резко вскочил.

– Расскажи, Фигус, про Шухова, – крикнул Петя.

– Про Шухова так про Шухова, – пробурчал Миша.

Фигус действительно походил на фикус – высокий, тонкий, с растрёпанными волосами.

– Иван Денисович Шухов – заключённый одного из лагерей сталинского периода, – слегка гнусавым голосом начал Фигус. – Не скажу, что Шухов храбрый, но и трусом его не назовёшь. Не скажу, что он умный, но на уровне бытового сознания обладал мудростью. Словом, Шухов – это человек, который пытался выжить, как мог. Он не принадлежал к категории лагерных «шестёрок», он боролся и пытался подняться со дна.

Помолчав, Фигус решил закруглиться:

– С моей точки зрения, Иван Денисович такой же жизнестойкий, как Соколов и Матрёна.

Он удовлетворённо кивнул лохматой головой и взглянул на меня. Я поняла: красноречие Фигуса иссякает.

– Хорошо. Скажи мне, Миш, что, помимо жизнестойкости, объединяет этих героев?

Фигус переступил с ноги на ногу и стал рассматривать свои гигантские кроссовки.

– Наверное, оптимизм.

– Класс, Фигус! – воскликнул Шурик.

– Действительно, хорошо подмечено. Жизнестойкость всех трёх героев опирается на присущий им оптимизм. Выжить без него в тех условиях было бы невозможно.

Я перевела взгляд на Аню Соловьёву:

– Аня, попробуй подытожить.

– Попробую, – ответила девушка и вышла к доске.

Фигус уступил место и, высоко поднимая длинные ноги, направился к парте. Эта предосторожность была нелишней, так как в проходе валялись сумки и рюкзаки, брошенные как попало. Я давно смирилась с этим бардаком, хотя и страдала из-за него. Порой, пробираясь к дальней стенке класса, я спотыкалась о какой-нибудь рюкзак и некоторое время балансировала на уровне фола.

– Пардон, – говорил в таком случае хозяин брошенной сумки. – Осторожно, Маргарита Владимировна, не упадите.

Рюкзак подтягивался к парте, но на следующем круге опять лез мне под ноги. Я смотрела на небольшие крючки, жалко торчащие по бокам парт, на рюкзаки и сумки, набитые учебниками, и качала головой. Ребята пытались пристроить вещи под ногами, и я продолжала свой путь по привычному маршруту.

– Итак, Аня, мы тебя слушаем.

– Всё просто. Во-первых, в этих произведениях во главу угла поставлена жизнь простого человека. Война, репрессии, тяжёлый крестьянский труд – это лишь фон, позволяющий раскрыть характер героев. Во-вторых, судьбы героев объединены суровыми испытаниями. В-третьих, всем им свойственно мужество. В-четвёртых, несмотря на внешнюю мягкость, это люди с сильными характерами. Я бы даже сказала, они – хребет нашего народа.

– Хребет – это хорошо, – обрадовался Пётр.

Пётр собирался поступать на факультет журналистики и любил образные сравнения.

– Действительно хорошо, – отозвалась я. – На таких людях, незаметных и в большинстве своём малообразованных, и держалась страна.

Поразительно, как много дала природа этой девочке. У неё есть логика, а для женщины это дар. И при этом мыслит образами.

Я прошла вдоль доски и остановилась около Ани.

– Вы сейчас не раз повторяли слово «судьба». Ты не можешь сказать, что это такое?

В голубых глазах мелькнула затаённая грусть.

– Судьба – это рок, – вздохнув, ответила Аня.

Сколько грусти! Здесь что-то не так. Благополучная интеллигентная семья, достаток в доме...

– Оказывается, ты фаталистка. Совсем как я.

Благодарно взглянув на меня, Аня кивнула. Я дотронулась до её плеча и скорее почувствовала, чем услышала ещё один вздох. Я подошла к доске и крупными буквами написала: «СУДЬБА».

– Аня сказала, судьба – это рок. Есть другие мнения?

– Стечение обстоятельств, участь, доля, жизненный путь, жребий... – понеслось со всех сторон.

Я записывала на доске ответы, пытаясь расположить их вокруг слова «СУДЬБА».

– Всё верно. Думаю, математики дали бы этому слову такое определение: «Судьба – это множество факторов, влияющих на жизнь человека». Подчеркну слово «множество». Как известно, множество состоит из частей. В данном случае к ним можно отнести время, в котором родился и живёт человек, семью, образование, везение, уровень мышления. Нельзя обойти стороной и предопределённость событий. Во все времена люди верили – судьба человека предопределена. Помните, как сказал Некрасов? «С детства судьба невзлюбила тебя».

– Есть ещё одно известное выражение: «От судьбы не уйдёшь», – тихо добавила Аня.

– Может, и не уйдёшь, – вмешался Пётр. – Однако, Маргарита Владимировна, через пять минут звонок.

– Опять не успели! – взглянув на часы, всполошилась я.

Действительно, до звонка оставались считанные минуты. Ребята примолкли и сосредоточили внимание на мне. Они ждали прощальной фразы, за которой будет финиш второй четверти, а потом – самое приятное: новогодний праздник, зимние каникулы, Рождество. Я обвела ряды парт лучистым взглядом:

– Позвольте поздравить вас с наступающим Новым годом и пожелать удачи. Думаю, не секрет, что для вас наступающий год очень важный. Скоро вы уйдёте из лицея и будете поступать в вузы. Мне очень хочется, чтобы вам сопутствовало элементарное везение.

Я посмотрела в окно. На верхушках голубых елей, растущих рядом с лицеем, лежали искрящиеся шапки снега. Вид ёлок, засыпанных снегом, развернул мои усталые мозги в другую сторону, и я закончила поздравительную речь такими словами:

– В последний год вашего детства хочу пожелать, чтобы чудо, которого ждёт каждый ребёнок, сопровождало вас по жизни всегда. С наступающим Новым годом, с наступающими каникулами!

В ответ раздалось радостное возгласы. Первое полугодие закончилось. Петя встал и направился к учительскому столу. Парень был высок, уверен в себе, говорил приятным баритоном и выполнял в классе представительские функции. Я поняла, сейчас последует ответное поздравление.

– Дорогая Маргарита Владимировна, – сказал он. – Позвольте от всего класса поздравить вас с наступающими праздниками и тоже пожелать вам *чуда*!

– Да, чуда мне не хватает, – заметила я.

Ребята засмеялись. Петя продолжал:

– Мы искренне вас любим и хотим, чтобы в вашей жизни всё складывалось хорошо.

– За что же вы меня любите? – не удержалась я.

– Долго объяснять. Вы, Маргарита Владимировна, прикольная, – ответил Петя, и все зааплодировали.

Я сделала загадочное лицо и улыбнулась.

– Надеемся, наш маленький подарок доставит вам радость и позволит поработать в своё удовольствие.

Протянув красивый пакет, он одарил меня официальным поцелуем, попавшим мне в висок. Надо сказать, что среди учеников нашего лицея поцелуи являются ежедневной нормой. Они начинаются с утра, когда дети собираются в большом холле, и заканчиваются при прощании. Но учителям поцелуй дарится только на последнем звонке и выпускном вечере. Получив его досрочно, я вспыхнула и удивлённо посмотрела на Петю.

– Надеюсь, не нарушил приличий? – улыбнулся он.

А я подумала: «Вот что значит современное поколение. Никаких комплексов».

Вслух же сказала:

– Спасибо за поздравления и подарок. Вы меня заинтриговали.

Как только прозвенел звонок, мы устремились по домам, желая как можно скорее окунуться в предновогоднюю суету. Новогодней дискотеки не будет, значит, каждый будет развлекаться как может.

Глава 5

«Через пять дней Новый год, – по дороге домой думала я. – Загадочный, волнующий, таинственный. Ёлки, подарки, ожидание чуда. А есть ли оно – чудо? Может, подобные мысли – из серии детских фантазий?»

Я подошла к подъезду и стала искать ключи. Мой взгляд погас, плечи опустились, и из потаённых недр вырвался тяжёлый вдох. Маска, предназначенная для общения с Олегом, села на привычное место, и с унылым выражением лица я вошла в квартиру.

– Устала? – взглянув на меня, удовлетворённо спросил Олег.

– Вымоталась ужасно.

– А что я говорил! Преподавательская работа – это колоссальные перегрузки.

– Ты как всегда прав, – вздохнула я и, шаркая тапками, направилась в кухню.

– Ничего. В каникулы отдохнёшь.

Олег поставил мои сумки на ближайший стул и добавил:

– Вот у меня сейчас наступят горячие деньки. Сначала годовой отчёт, затем конференция.

Ожидая моей реакции, Олег Александрович сделал паузу, и я быстро заметила:

– Сочувствую. Представляю, какое напряжение.

– Тебе трудно представить, – с унылым выражением лица высокомерно ответил Олег. – Интеллектуальные нагрузки преподавателей качественно ниже, чем нагрузки учёных.

– Да, конечно, – согласилась я, и тема была исчерпана.

Я разогревала мясо, наслаждалась тишиной и планировала предпраздничные дни:

«Первым делом выплусь, затем почитаю, а через пару дней съезжу за подарками».

– Дети что-нибудь подарили? – спросил Олег Александрович.

– Традиционные конфеты, набор ёлочных украшений и нечто неизвестное от 11 «Б».

– По-моему, 11 «Б» тебе симпатизирует.

– Да, у меня с ребятами нормальные отношения.

– Вот и хорошо, – пробормотал Олег.

Через пятнадцать минут стол был накрыт, и, одобритительно поглядывая на антрекоты, Олег Александрович уселся в кресло. За окном падал снег, на столе горела свеча, пахло хорошо прожаренным мясом. По телевизору начались новости. Традиционная заставка, знакомая мелодия, диктор с каменно-трагическим лицом.

– Курорты Азии – под ударом стихии, – коротко, как телеграф, проговорил он. – У берегов Индонезии – сильнейшее землетрясение. Цунами накрыло побережье Юго-Восточной Азии. Сообщения о жертвах и разрушениях поступают не только из Индонезии, но и из Таиланда и Шри-Ланки.

– Какой ужас! – воскликнула я и отодвинула тарелку.

Олег Александрович оторвался от мяса, и в его очках замелькали блики свечи.

– По данным на 23:30, погибло одиннадцать тысяч человек. Мы пробуем связаться с островом Пхукет, где находится наш корреспондент.

На экране появился молодой парень. За его спиной гнулись пальмы, бурлящие валы обрушивались на берег.

– Что происходит на Пхукете? – с тревогой спросил диктор. – Есть ли у вас новая информация?

– Такого бедствия мир ещё не видел. Цунами обрушилось на побережье и превратило его в груды развалин. У нас оказались кадры любительской киносъёмки. Сейчас вы увидите, как всё начиналось.

Тревожное лицо корреспондента сменилось красочной картиной: сотни людей лежали на пляже, сидели в кафе, плескались в море. И вдруг произошло нечто необычное. Вода начала отступать, морское дно обнажилось, и на горизонте показался огромный серый вал. Он рос на глазах и через мгновение превратился в гигантскую волну. Послышались душераздирающие крики, волна с воем обрушилась на берег и понеслась вглубь острова. Она тащила с собой людей, лежаки, деревья, остатки домов и, удовлетворённо хлюпая, неслась дальше. Было ощущение, что по острову несётся смерть. Да-да, смерть. Безжалостная и неотвратимая.

– Видели, что творится?! – кричал корреспондент. – Цунами уничтожило сотни гостиниц. Тысячи людей пропали без вести. Страшно, очень страшно!!!

– Что слышно о россиянах? – последовал вопрос из московской студии.

– Пока никаких данных. Я слышал, погибло много шведов и немцев.

– Всё, больше не могу, – воскликнула я. – Какой ужас! Люди приехали отдыхать, а тут...

Всхлипнув, я закрыла лицо руками. Олег Александрович повернулся в мою сторону и посмотрел поверх очков.

– Что за истерика?

– Представляешь, Олег, там же полно детей! Они так радовались – попали из зимы в лето. А вместо этого... – Моё сердце дёрнулось, и я прошептала: – А вместо этого их настигла...

Я не могла сказать слово «смерть». С моей точки зрения, смерть и дети – несовместимые понятия.

– Ты что, первый день живёшь? Не видела трагедий? – сердито спросил Олег Александрович и выключил телевизор.

– Таких – нет.

– Надо адекватно воспринимать информацию. Адекватно.

Он нервно заходил по комнате.

– Сколько детей погибает ежедневно! Неважно из-за чего – из-за глупых случайностей, стихийных бедствий, болезней. Если по каждому поводу проливать слёзы, никакое сердце не выдержит.

– Но это так несправедливо!

– Несправедливостей на земле много, – резко сказал Олег Александрович. – Несправедливо, например, что одни могут отдыхать в Таиланде, другие нет. Что же ты не плачешь по этому поводу? Много ли в лице детей, отдыхающих в Таиланде?

– Нет.

– То-то и оно. А ведь у вас учатся дети небедных родителей.

Олег Александрович остановился у окна и, глядя на падающий снег, несколько успокоился.

– Несправедливо... А разве справедливо, что тысячи российских учёных живут на нищенскую зарплату? А то, что разграбили страну? Это справедливо, по-твоему?

«Понеслось... – подумала я. – Теперь вспомнит развал СССР, обесценивание вкладов, грабительскую приватизацию. Надоели эти разговоры. Никто не спорит, это ужасно несправедливо. Но сколько можно говорить об одном и том же?

– Давай, лучше чаю попьём, – вытирая слёзы, предложила я.

– Что, не нравятся такие разговоры? – язвительно спросил Олег Александрович. – Тебе бы только крыльями хлопать.

– Зачем ты так?

– Прости. Это лишнее. Я имел в виду твои эмоции, – миролюбиво сказал он. – Эмоции, Маргарита, тебя погубят.

Я промолчала. Излишняя эмоциональность – моё слабое место. Олег Александрович прав: эмоции меня погубят. Есть дом, работа, несколько близких людей – вот их и надо воспринимать близко к сердцу. А остальное... остальное надо пропускать через разум.

– Как чай, готов?

– Уже заварила.

– Надеюсь, не чёрный?

– Липовый.

– Вот и хорошо. Нечего будоражиться перед сном.

Олег взял кружку и налил бледно-жёлтого чая.

– А по поводу цунами я вот что скажу. Прежде чем ехать на край земли, надо хотя бы взглянуть на тектоническую карту. Так, на всякий случай.

– ???

– В районе Суматры происходит стык литосферных плит, – пояснил он.

– Каких плит? – От неожиданности я чуть не поперхнулась.

– Литосферных, – повторил Олег Александрович и заботливо постучал по моей спине. – Осторожней, так и подавиться можно.

– Слово незнакомое. Хотела спросить и нечаянно вдохнула.

– Да... Пробелы в твоём образовании постоянно дают себя знать.

Я опустила глаза и потянулась к чашке.

– Ничего удивительного. Я училась во французской спецшколе и большую часть времени занималась языками.

Олег Александрович поморщился и заметил:

– Сначала нужно получить специальность, затем учить языки.

Возразить было нечего, и я спросила:

– Значит, у Суматры плиты столкнулись?

– Что меня раздражает, так это твоя непоследовательность и торопливость.

Олег Александрович встал и направился в ванную. Умывшись и тщательно почистив зубы, он лёг в постель и тут же заснул. Через некоторое время легла и я.

Перед глазами появилась волна. Казалось, её большое тело состояло из мощного сгустка энергии. Волна подошла к одинокому берегу и выросла до устрашающих размеров. Её гребень закипел, и среди пенистых брызг мелькнула знакомая до боли фигура. Это была я.

Глава 6

Когда я проснулась, Олега Александровича дома не было. На кухне, прислонившись к холодильнику, стоял пакет с подарком 11 «Б». Развернув упаковку, я увидела большой блокнот в бархатной обложке. На первой странице стояла надпись: «Дневник Риты Вайт».

Намёк понят. Не умывшись и не выпив традиционной чашки кофе, я написала:

26 декабря, 13 часов.

Маргарита Владимировна Белых. 36 лет.

Преподаватель литературы.

Образование – высшее, закончила филфак МГУ.

Внешние данные:

волосы – длинные, светлые;

глаза – зеленоватые;

нос – прямой;

цвет лица – бледный;

рост – 160 см.

Качества характера:

– мечтательная;

– романтическая;

– добрая;

– отзывчивая.

Место жительства: Москва, Лялин переулок.

Посмотрев на лаконичный текст, я дописала:

– безалаберная;

– непрактичная;

– доверчивая.

Перевернула страницу и, подумав, сделала следующую запись:

Олег Александрович Васильчиков:

– 55 лет;

– член-корреспондент Академии наук;

– математик;

– нумизмат.

Плюсы:

– не пьёт;

– не курит;

– жёнами и мужчинами не интересуется;

– солидный;

– неторопливый;

– основательный;

– эрудированный.

Минусы:

- обидчивый;
- сухой;
- скупой;
- занудливый;
- незмоциональный;
- эгоистичный.

Как я его разобрала!

Послышался звук отворяемой двери, и вошёл Олег Александрович.

– Добрый день, дорогая! – радостно сказал он.

Мне стало не по себе. Радостный тон, «дорогая»... Прямо чудеса.

«Стоило проанализировать, и вот результат», – мелькнула мысль.

– Ты уж, Маргарита, не обессудь, но подарок вручу сейчас. Мало ли что. Вдруг не подойдёт?

Вытащив из сумки брючный костюм, Олег Александрович торжественно сказал:

– С наступающим Новым годом!

Я ахнула:

– Олег, милый! Какая прелесть! Наверное, дорогой?

– Недешёвый, – сдержанно произнёс Олег Александрович.

Я надела костюм и посмотрела на себя в зеркало.

– По-моему, здорово.

– Замечательно сидит, – удовлетворённо сказал Олег. – Теперь пора обедать, через пару часов мне надо быть в институте.

– Конечно, – заторопилась я.

За обедом Олег Александрович рассказал, как выглядит ЦУМ, какие разговоры были в секции женской одежды, как выбирал костюм.

– За хорошую вещь денег не жалко, – резюмировал Олег и сел с газетой в любимое кресло.

После ухода мужа я занялась генеральной уборкой. Перемещаясь по квартире, я вытирала пыль и размышляла. Неудивительно. У меня всегда так. Что бы ни делала, в голове кружатся сотни мыслей. Они разные: короткие и длинные, грустные и радостные, тревожные и беззаботные, ясные и неуловимые. Я скептически поджала губы: «Типичные женские мысли. Суетливые и изматывающие. Нужно их сто раз просеять, чтобы понять, что хочешь сказать».

Закончив уборку, я вытащила дневник и написала:

26 декабря, вечер.

Делала генеральную уборку.

Много думала.

Три дня я занималась рутинными делами, а 30-го поехала за подарками. Выйдя на Театральную площадь, я почувствовала праздничное оживление. Разноцветные огни, гирлянды, ёлки, новогодние шары... В морозном московском воздухе витало нечто сладкое и давно забытое. Осторожно заглянув за стекло маленького бутика, я увидела Деда Мороза. Он улыбнулся из-под ватных усов и подмигнул фарфоровым глазом.

– Чудеса только начинаются, – сказал Дед Мороз.

– Это вы мне?

Вытянув шею, я посмотрела на его губы – он по-прежнему улыбался.

«Действительно чудеса», – подумала я и оглянулась.

Люди бежали мимо, и не обращали на меня никакого внимания. Я направилась к ГУМу и решила присмотреть себе что-нибудь из косметики. Пока я шла по магазину настроение моё равномерно ухудшалось. Причина была простая и банальная: большое количество зеркал, украшавших ГУМ, отражали мой внешний вид. При ярком освещении стали заметны и мелкие морщинки, и выбившаяся прядь волос, и старомодное пальто. Горько вздохнув, я встала у круглого стенда. На нём красовались золотистые футляры с помадой, изящные пузырьки с лаком и пластиковые флаконы с крем-пудрой.

– Здравствуйте, – послышался приятный голос. – Вы что-то ищете?

Передо мной стояла девушка-консультант и мило улыбалась. Её ухоженная кожа, аккуратно подведённые глаза, пухлые губы под тонким слоем помады служили отличной рекламой продукции фирмы-производителя.

– Хотелось бы посмотреть губную помаду, – тихо сказала я.

– Какой цвет предпочитаете?

Девушка посмотрела на мои губы, потом на ресницы, наконец на руки. Этого взгляда было достаточно, чтобы я почувствовала себя испуганной растрёпанной птицей.

– Розовато-коричневую, – робко ответила я.

Девушка решила меня подбодрить:

– У вас красивая форма губ. Если их выделить контурным карандашом, затем нанести помаду... Думаю, по краям 254-м цветом, а в центре – 158-м.

Она повернулась к стенду, взяла два золотистых футляра и, выдвинув яркие столбики, поднесла их к моим губам.

– Изумительно. Ваши губы станут сочными и эффектными.

– Вы так считаете? – оттаяв, улыбнулась я.

– Попробуйте.

Девушка протянула тюбики и добавила:

– Это пробники.

– Пробовать ни к чему. Полагаюсь на ваше мнение.

– Вы не поняли, – улыбнулась девушка. – Помаду можно нанести на запястье.

Она взяла меня за руку и аккуратно нарисовала розовую и коричневую линии.

– Не правда ли, хорошо?

– Да-да, конечно. Сколько стоит помада?

– Четыреста пятьдесят рублей.

– Пожалуй, возьму розовую.

– А другую?

– В следующий раз, – ответила я, произведя несложные расчёты.

– Спасибо за покупку, – заученно сказала девушка-консультант и повернулась к стеллажу. Достала нужный номер, положила рядом с кассой и, улыбнувшись другой покупательнице, спросила:

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

Я достала кошелек, расплатилась и вышла из секции.

Какой ГУМ, какой косметический отдел? Дома надо сидеть, а не шататься по дорогим магазинам. В кармане гроши, а туда же.

Я оглянулась. Нарядная, улыбающаяся публика, дорогие товары. Куда меня занесло? Я вспомнила иронию, с которой слушала о магазинных страданиях Олега, и горько вздохнула:

«Олег Александрович хоть выглядит респектабельно – высокий, представительный... А я? Замученная женщина в старой одежде. Лялька права – о себе надо больше думать. О себе. Глядишь, на люди не стыдно будет выйти».

Я посмотрела на носы изношенных сапог, наспех замазанных гуталином, и повернула к выходу.

Куплю подарки на рынке.

Однако мысль, что, купив на рынке какую-нибудь дешёвку, можно испортить Олегу праздничное настроение, заставила остановиться.

Олег не раз говорил, что его внешний вид – это реклама не только возглавляемого им отдела, но и института. Конференции, заседания, выступления, переговоры. На всех этих мероприятиях он должен появляться в солидных костюмах, дорогих рубашках и качественной обуви. Порой денег до зарплаты не хватало и мне приходилось занимать. «Непрактичный ты человек», – говорил Олег и был прав. По сравнению с ним я была растяпа: денег не копила, покупок не планировала, покупала что под руку попадётся.

От таких мыслей мои плечи опустились, и лицо в этот момент, наверное, походило на лицо типичной российской труженицы, живущей в вечном денежном дефиците.

– Да неужели это Маринка? – услышала за спиной голос.

Я насторожилась. Так, с лёгкой руки мамы, меня звали только в детстве. Я резко обернулась и увидела Варьку. Когда-то мы жили вместе в коммуналке и были самыми закадычными подругами.

– Варенька, милая, какая же ты шикарная, – взглянув на даму в мехах, прошептала я.

– Глупости. Помнишь, как говорил дедушка? «Тряпки – это ерунда, главное – душа», – заключив меня в жаркие норковые объятия, пробасила Варька. – Дай-ка погляжу на тебя.

Варька слегка отстранилась и заглянула мне в лицо. Огромный голубой камень на её перстне отразил солнечный луч, пробившийся сквозь стеклянную крышу ГУМа, и я почувствовала запах дорогих духов.

– Наконец-то встретились. Самое время пойти в ресторан и вспомнить нашу коммуналочку.

– Варь, я бы с радостью, но мужу подарок надо купить.

– Поговорим, потом купим. Сначала мы, Мариночка, потом мужики, – взяв меня под руку, безапелляционно заключила Варька.

То и дело поглядывая на неё, я пошла рядом.

«Бывают же чудеса! Оказаться в одном месте в один и тот же момент через двадцать три года разлуки. Я же могла пойти по другой линии, задержаться в отделе косметики, наконец, могла бы поехать в другой магазин. Наверное, это судьба», – думала я, любуясь идущей рядом женщиной, пришедшей из детства.

Не переставая говорить, Варька вывела меня из ГУМа, подвела к золотистому джипу и, распахнув двери машины, села за руль.

– Едем кутить, – сказала она.

Неожиданна, как в детстве, по-прежнему энергична. Наверное, в её голове крутится куча шальных мыслей и планов.

Машина плавно тронулась, и, глядя перед собой, Варька заметила:

– Про себя можешь не рассказывать. Я на тебя в ГУМе поглядела, мне всё ясно. Живёшь на зарплату, имеешь небольшие подработки. Недавно премию получила. Или что-то подобное. Хочешь потратить с толком, благоверного порадовать. О себе вспоминаешь по остаточному принципу. Муж – какой-нибудь занудливый очкарик, поражающий тебя своей начитанностью.

– Откуда ты знаешь? – с трепетным ужасом спросила я.

– Что, угадала?

Варька закурила и, сделав загадочное лицо, пропела:

– Просто я работаю волшебником, волшеб-ни-ком... – Засмеялась и добавила: – На современном языке моя нынешняя профессия – психотерапевт по проблемам постстрессовых расстройств и кризисных состояний. Вот так-то, Мариш. У тебя нет подобных проблем?

– Слава Богу!

– Вот и хорошо. Однако, как показывает мой опыт, всё до поры до времени. Авось пригожусь. – Варька на минуту задумалась. – Я ведь чувствовала, что сегодня должно что-то произойти, какая-то светлая встреча. Верить? С утра эта мысль крутилась.

– Варь, как в сказке. Даже зажмуриться хочется.

– А ты зажмурься. Глядишь, улыбнёшься. – Варька повернулась ко мне и добавила: – Понимаешь, Мариш, ты сейчас такая скукоженная, что прежняя Марго пропала. Пойми правильно. Марго хотя и была мягкой и нежной девочкой, но имела характер и на меня оказывала влияние. Теперь ты какая-то подчинённая. Не знаю, чему больше – может, трудностям, а может, мужу.

Утопая в облаке диковинных запахов, я кивала в ответ.

– Скоро Новый год, – продолжала Варька. – Неизвестно, когда ещё встретимся.

Я опять кивнула.

– Поэтому для начала поедem на Ленинский проспект.

– Почему на Ленинский?

– Рекламу не смотришь, – улыбнулась Варька.

Мы подъехали к большому зданию и вышли из машины. Перед нами сверкала вывеска магазина «Меха». Варька направилась к входу, я засеменила за ней. Внешний вид Варьки тут же привлёк внимание продавцов, и в мгновение ока перед нами появились два молодых человека. На их лицах сияло такое радушие, что я решила, они уже с Варькой встречались.

«Два молодца из ларца», – мелькнула мысль.

– Добрый вечер, мальчики, – улыбнулась Варька. – Эту достойную женщину нужно одеть во что-то приличное.

Она показала на меня, и голубой камень на перстне блеснул, словно соглашаясь с её словами. Два «молодца» развернулись в мою сторону и понимающе закивали.

– Думаю, надо взглянуть на песцовые полушубки, – предложил один из продавцов.

– Согласна, – сказала Варька.

– Песец подчёркнёт миниатюрность фигуры вашей подруги, – заметил второй «молодец».

Оцепенев, я глядела на Варьку и неестественно улыбалась. Спустя пару минут меня превратили в манекен, на который накидывали то одну, то другую шубку. Варька обсуждала с продавцами достоинства меха, а я выступала в роли Золушки, готовящейся к балу. От всего происходящего мои глаза распахнулись, губы приоткрылись, на щеках заиграл румянец.

– Вот так-то лучше, красавица, – пробасила Варька. – А ведь действительно хорошенькая. Правда, мальчики?

Продавцы кивнули и восхищённо развели руками – дескать, нет слов. Это был тот жест, который обычно ставит точку при подобных покупках. В руках у Варьки появилась золотая карточка VISA, и я почувствовала лёгкий толчок в спину.

– Пойди подыши свежим воздухом, – приказала Варька.

Стоя в новой шубе перед магазином, я смотрела на отражение в витрине и испытывала настоящую, глубокую радость. Варька вышла минут через десять и распахнула дверцу машины.

– Пожалуйте, в карету, мадам.

Мои глаза наполнились слезами и, уткнувшись Варьке в грудь, я заплакала. Варька гладила меня по песцовому плечу и ласково шептала:

– Бедная моя. Побаловали немного, и раскисла.

– Варь, ну что за жизнь? Женщиной себя не чувствуешь, – всхлипывая, пробормотала я.

– Ладно-ладно. Хватит жаловаться и лить слёзы. Весь мех отсыреет. – Она улыбнулась и вытерла мне нос, как маленькой девочке. – А что касается того, что женщиной себя не чувствуешь, это ты брось. Очень даже чувствуешь – меня не обманешь. Ласки тебе не хватает, а может, любви. Это наш крест. Семью на себе тянем. При этом умудряемся оставаться женственными. Хватит реветь!

– Не знаю, чего я разревелась, – всхлипнула я. – Может, от счастья, может, от обиды.
– Тебе и знать нечего. Поплакала, сняла напряжение – и забыла. Теперь высморкайся и улыбнись.

Варька завела машину и выехала на Ленинский проспект.

– Едем в ресторан?

– Что-то не хочется, – ответила я. – Слишком много впечатлений. Мне бы домой.

– Домой так домой. Нечего психику перегружать, – отозвалась Варька, включая скорость.

Пару минут мы ехали молча. Я приходила в себя, Варька о чём-то размышляла.

– Варь, расскажи мне о себе. Где пропадала столько лет?

– Этот рассказ оставим на другой раз. Теперь слушаю адрес.

Оставшуюся часть пути я рассказывала, какой хороший человек Олег Александрович, какое удовлетворение я получаю от своей работы, какие замечательные ребята учатся в нашем лицее. Варька время от времени косилась в мою сторону и, казалось, видела меня насквозь. Её взгляд всё больше теплел, на губах появилась мягкая улыбка.

– Слушая тебя, вспомнила другие разговоры.

Варька крутанула руль, и машина въехала в Лялин переулок.

– Будь уверена, вследствие моей профессиональной деятельности погружаться в чужую жизнь приходится часто. Так вот. С одной стороны, твоя жизнь типична, с другой, ясно – ты её лакируешь.

Машина остановилась около моего дома.

– Зайдёшь ко мне?

– Не зайду. Думаю, встретимся в ближайшее время. Тогда и поговорим по душам.

Я потянулась к Варьке:

– Спасибо! За всё. Счастья тебе.

– Ладно. Постараюсь кусочек оторвать, – улыбнулась Варька и тут же добавила: – Не забудь сказать благоверному, что встретила подругу детства. А то... Знаю я этих мужчин...

Варька вышла из машины и достала с заднего сиденья два пакета: один – с моим старым пальто, другой – с бархатной коробочкой. Протянув их мне, она опять улыбнулась:

– В коробке – пустячок для мужа.

– Ну зачем?

– Обожаю выбирать подарки. Жаль, не приходится их дарить собственным детям и мужу.

– Почему? – удивилась я.

– За неимением таковых. Так что не обессудь – на твоём муже попрактиковалась.

– Варь, ты удивительная!

– Не идеализируй никого, и меня в том числе.

Поцеловав Варьку, я направилась к подъезду.

– Если захочешь увидеться, позвони, – крикнула она вслед. – В шубе – моя визитная карточка.

Варька помахала мне, и машина тронулась. Я вошла в подъезд и, всё ещё находясь под впечатлением встречи, вознеслась на четвёртый этаж.

Дверь открыл Олег Александрович. Посмотрел на шубу и грозно спросил:

– Как это понимать?

– Нравится?

– Ты что, за дурака меня принимаешь?

По лицу его пошли красные пятна.

– Не понимаю, что ты взбеленился. Шуба – Варькин подарок. Помнишь, я рассказывала о подруге, с которой жила в коммуналке?

Праздничное настроение улетучилось, и я почувствовала, что моё объяснение нелепо. Олег Александрович развернулся и удалился в комнату, закрыв за собой дверь.

«Ну и пожалуйста. Бесись на здоровье», – подумала я, повесила шубу и пошла на кухню. Готовя ужин, я вспоминала сегодняшний день. И вдруг почувствовала пронзительный взгляд. Обернувшись, я увидела разъярённое лицо Олега Александровича.

– Можешь ничего не говорить, – прошипел он. – Всё на лице написано.

– Что написано?

– Раскаяние наблудившей женщины.

– Олег, что ты говоришь?! Хочешь, позвони Варьке. В кармане шубы – её визитка.

Я бросилась к вешалке.

– Не сомневаюсь, – с ненавистью сказал Олег. – Ты со своим любовником продумала всё до мелочей.

Он взглянул на пакет и, брезгливо взяв в руки, вытащил оттуда бархатную коробочку. Там лежало коричневое портмоне. Мягкая кожа, тиснение, на уголках металлическая фурнитура – дорого и изысканно. Странно всхлипнув, Олег Александрович кинулся к вешалке и, сорвав дублёрку с крючка, бросил на меня презрительный взгляд.

– Ты куда?

– Пошла к чёрту! – прорычал он и хлопнул дверью.

Глава 7

От такой неожиданной грубости я села на пол и за рыдала.

Сказать, что я – наблудившая женщина?! И это при моей верности и преданности! Уж лучше бы я изменила.

Мои рыдания проникли в коридор и донеслись до Лялькиной квартиры.

– Ритуль, что с тобой? – распахнув дверь, крикнула Лялька.

– Олег, Олег... Он не поверил.

Лялька плюхнулась на пол и заключила меня в объятия.

– Во что не поверил?

– В то, что Варька подарила мне шубу.

Обливаясь слезами, я уткнулась в колени подруги и зарыдала ещё громче.

– Подумаешь, не поверил, – сказала Лялька и с интересом посмотрела на визитную карточку, мокрую от слёз.

– Что это?

Лялька выхватила у меня карточку и прочла:

– Психотерапевт и психоаналитик Варвара Михайловна Невская. Индивидуальная и семейная психотерапия. Тренинги.

– Ходила к психоаналитику? – удивилась Лялька.

– Это моя детская подруга.

На ум пришли Варькины слова: «Сначала мы, Мариночка, потом мужики».

А ведь верно. Живу будто раба. Стираю, кормлю, убираюсь... А он – барин.

Я встала и плюнула в сторону двери:

– Пошёл к чёрту сам!

И мне стало легче.

Лялька охнула, и в её огромных глазах застыло изумление.

– Что ты сказала? – прошептала Лялька.

– Что слышала.

Я повесила шубу, вымыла руки и вышла в коридор. Лялька по-прежнему сидела на полу.

– У тебя есть что-нибудь выпить?

– Вот это вопрос! – удивилась Лялька. – Коньяк подойдёт?

– То, что надо. Неси.

Я отправилась на кухню, Лялька пошла за коньяком. Через десять минут мы уже сидели на кухне и, по словам Ляльки, «предавались разврату». В наши «развратные» действия входили коньячные возлияния и непрерывное курение Лялькиных сигарет.

Вообще-то, я курю редко, тем более дома. В лицее ещё куда ни шло. Там есть учительская курилка, где обсуждаются текущие новости. В курилку я ходила часто, но курила не всегда. Когда с Нютой что-нибудь сочиняли, меня прорывало и за вечер выкуривала пять-шесть сигарет. После такого срыва я тщательно душилась, жевала жвачку, а вернувшись домой, говорила:

– Пока сочиняли сценарий, меня обкурили с ног до головы.

Олег Александрович брезгливо морщился и выдавал одну и ту же фразу:

– Курящие преподаватели – преступники.

Я удалялась в ванную и тщательно чистила зубы.

Однако так было раньше, а сейчас... сейчас мне наплевать, что скажет Олег. Я была у себя дома, в гостях сидела подруга, мы пили коньяк, и всё было тип-топ.

– Знаешь, я думала Олег – джентльмен. – Я залпом выпила коньяк и добавила: – Пусть занудливый, неэмоциональный, но джентльмен.

– Осторожней, Ритуль, – взглянув на пустой фужер, ответила Лялька. – Без тренировки можно и запьянеть.

– Ну и пусть. Пусть запьянею. Это даже хорошо.

– Ничего хорошего. В твоей ситуации разум должен работать чётко.

– Не по-ня-ла... – протянула я и икнула.

– Давай сделаю бутерброд, а потом объясню.

Лялька встала и подошла к холодильнику.

– Вообще-то, коньяк нужно закусывать шоколадом или фруктами, но кусок сыра тебе не повредит.

Сделав бутерброды, Лялька взяла очередную сигарету и удобно расположилась в кресле Олега Александровича.

– Ешь и слушай. Ситуация непростая. Тебе всё ясно, Олегу Александровичу нет. Ты встретила подругу, поболтала. Подруга, женщина состоятельная, решила тебя порадовать. Я верю, такие подруги встречаются. Редко, конечно. Теперь прикинь, что подумал Олег Александрович.

– Что?

– Оценив шубу, он подумал: «Ничего себе подарок! Порядка трёх тысяч долларов...»

– Да ты что?!

– Если не больше, – невозмутимо продолжала Лялька. – Олег Александрович – человек подозрительный. Ну и какой вывод?

Я вздохнула и отодвинула бутылку коньяка.

– Ты права.

– Представляешь, что в нём разыгралось?! Он тебя решил удивить, костюм подарил, проявил благородство... Надо же! Удивляюсь, как от гордости не лопнул.

Лялька театрально развела руки и надула щёки.

– А на следующий день появляешься ты – радостная и в новой шубе. Ты только представь. Появляешься и говоришь: «Милый, смотри, какая шуба. Её подарила некая Варька».

– Не некая, а лучшая подруга детства.

– Да плевать ему на подругу. Олег Александрович подобных жестов не понимает. У него нет друзей, и таких подарков ему никто не дарит.

– Тебе тоже не дарят, – ответила я. – А ничего, поняла.

– Я – одно, Олег Александрович – другое.

– С этим не поспоришь.

– Честное слово, Ритуль, ты слепая. За тринадцать лет совместной жизни не поняла простой истины: Олег Александрович – собственник. Он прибрал тебя к рукам, задурил мозги и помыкает, как хочет. Поди, плохо! Живёт в твоей квартире, питается за твой счёт. Ведь так?

– Да ладно. Мне не жалко. И Олег тратит много денег.

– На что?

– Он покупает старинные монеты.

Лялька оживилась. Привстала с кресла и, выдохнув дым мне в лицо, сузила глаза.

– А почему покупает монеты? Ты задавала этот вопрос?

– Олег нумизмат.

– Отличное хобби. Олег Александрович занимается нумизматикой! Это так интеллигентно, так современно... В компании мамочкиных друзей можно сказать: «У меня редкая коллекция древних русских монет. Я публикую статьи в зарубежных журналах по нумизматике». А про себя подумать: «Да, я среди вас самый богатый. Моя коллекция стоит десятки тысяч долларов».

– Ты серьёзно? – удивилась я.

– Абсолютно. Пока Олег сидел на твоей доверчивой шее, у него выросло неплохое состояние.

– Ну и ладно. Пусть радуется.

– Ритуль, ты или святая, или притворяешься. – Взглянув на меня сквозь дым, Лялька помолчала минуту и вздохнула: – Нет, не притворяешься.

– И святой меня не назовёшь.

– Иногда кажется, что на многие вещи ты смотришь не так, как другие, – пробормотала Лялька.

– Все мы смотрим по-своему.

– Я не про угол зрения. Такое впечатление, что ты задержалась в детстве, но при всём при этом играешь женщину.

– Может, и задержалась. Не случайно в школу пошла.

Лялька разлила по фужерам остатки коньяка и спросила:

– Почему ты не родила?

– Олег не хочет детей.

– Вот как...

По всей вероятности, коньяк отпустил тормоза, и Лялька стала вести себя несколько бесцеремонно. Однако я продолжала:

– К тому же у Олега есть взрослый сын.

– Отлично, – воскликнула Лялька. – У него есть сын, а тебе, выходит, никого не надо.

– Зачем ты так?

Я растерялась. Внутренний голос говорил: «Лялька права». Однако жалость к Олегу стучала в висок: «Он так одинок, нуждается в тебе...»

– Попробуй объективно взглянуть на Олега, – наступала Лялька. – У него есть сын, мать, ты – преданная и верная. Он живёт с тобой в хорошей двухкомнатной квартире. А на Фрунзенской набережной – собственная трёхкомнатная квартира.

– Там же Татьяна Леонидовна.

– О том и речь. Как истинный математик, Олег точно всё рассчитал. Сына вырастила первая жена. Верно? Никита уже взрослый человек, сам зарабатывает на жизнь. Мама – это святое. Насколько я понимаю, она для Олега – идеал. Ты – молодая здоровая баба. Жена-любовница. А новые дети... Зачем вешать ярмо? Пелёнки, бессонные ночи, декрет... К тому же семью надо содержать. Разве я не права?

Я опустила голову на стол и опять заплакала.

– Мне и так плохо, а ты...

– Ритуля, солнышко! Прости меня, дуру.

Лялька вскочила и бросилась ко мне.

– Сколько раз ругала собственный язык. Сколько раз говорила себе: «Не лезь, пока не спрашивают».

– Ничего-ничего. Сейчас пройдёт, – всхлипывала я. – Ты права, я живу как зашоренная.

– Ну и живи. Как нравится, так и живи. А подружкам, таким как я, бей по лбу. Пусть в твою жизнь не лезут.

– Таких как ты у меня нет.

Я улыбнулась и подняла мокрое от слёз лицо. Лялька подошла к окну.

– Успокоила, называется, – проворчала она.

В моей голове пульсировали Варькины слова: «Сначала мы, потом мужики. Мы... потом мужики».

– Не случайно встретила Варьку, – сказала я.

– Почему? – удивилась Лялька.

– Это судьба, ведь Варька – из детства. Она появилась и, не желая того, сделала так, что мой дом зашатался.

– Значит, был карточным, – ответила Лялька.

– Так и есть.

– Я пойду. По-моему, тебе нужно побыть одной. – Поцеловав меня в макушку, Лялька добавила: – Держись. Если что, звони.

– Спасибо тебе.

Было ощущение, что кокон, в котором я жила, дал трещину. У меня появилось чувство свободы, а вместе с ним несвойственная мне критичность.

Как я раньше не замечала? Уму непостижимо. Лялька права, интеллигентность Олега наигранная. Он, конечно, умён, поэтому непросто. Глядя на него, окружающие думают: «Какой сдержанный, какой тактичный – мечта любой женщины». Видели бы они его сегодня! Физиономия перекошенная, интеллигентности след простыл!

Во мне опять закипала обида:

«А я-то – дура великовозрастная! Начиталась романов. Стоило отойти от привычной жизни, как сдержанность Олега испарилась. И что открылось? Дремучие мужские страсти. Грубые и примитивные».

Я фыркнула и пошла в спальню. Мозг работал в заданном направлении, и мысли скакали, как разбуженные осы. Одна из них, блеснув молнией, заставила меня остановиться.

«Мужчины не могут понять женщин. Никогда», – громко заявила о себе мысль и ушла в копилку под названием «Житейские истины».

«Банально, но правильно, – согласилась я. Никому не дано заглянуть в чужую душу и личную жизнь. А если и удастся, восприятие зависит от угла зрения. Взять нынешнюю сцену у двери. Допустим невозможное: Олег незримо остался бы в квартире и не только наблюдал бы за мной, но и слышал, о чём я думаю. Не исключено, что в таком случае он подошёл бы и сказал: “Хватит, Маргарита. Поплакала, и будет”. А за ужином расспросил бы о Варьке и поговорил бы на тему богатых подружек».

Мало-помалу эти рассуждения меня успокоили. Я подошла к трюмо, села на пуфик и посмотрела на себя в зеркало.

Глаза заплаканные, волосы растрёпанные. Однако лицо относительно свежее. Как это сказала девушка-консультант? «У вас красивая форма губ. Если бы их выделить контурным карандашом...» Надо купить карандаш и попробовать.

Пошарив в тумбочке, я наткнулась на бархатную обложку.

То, что надо. Дневник приводит мысли в порядок.

Открыв новую страницу, я написала:

30 декабря.

Ездила покупать подарки.

Встретила Варьку.

Писать о семейной ссоре не хотелось, и, вытащив шпильки, я распустила волосы. Вспомнив, как мама заплетала мне косы, я заплакала. В который раз за сегодняшний день. Однако на сей раз слёзы текли не по щекам, а по моему израненному сердцу. Горячая волна окатила с ног до головы, и мне стало жарко. Уход Олега Александровича, его крик уже не имели значения: в этот момент я видела перед собой маму. Прямая спина, строгий взгляд, мягкий овал лица.

– Возьми себя в руки. Слабых не любят.

Мама любила эту фразу и не раз повторяла в ответ на мои стенания. В таких случаях её лицо становилось надменным. Порой мне казалось, передо мной не моя мама, а некая дама, дающая советы, как вести себя в обществе.

– Испытания и страдания спускаются свыше, – говорила она. – Поверь, они не случайны. Пройдя через них, человек становится мудрее.

– Разве нельзя прожить без страданий? – спрашивала я.

– Нельзя, – отвечала мама. – Благополучие развращает человека, делает его слабей.

Посмотрев в зеркало, я увидела мамины зелёные глаза. В них прятались грусть и мечтательность одновременно.

Варька права, жизнь меня согнула. Я стала скукоженной рабой.

От нечего делать я стала заплетать косички. Одну, другую... десятую.

По-моему, ничего. Издали похожа на папуаску.

Дневник лежал на тумбочке и притягивал взгляд. Хотелось описать сегодняшний день, свои переживания, раскрыть душу. Слегка колебавшись, я подошла к шкафу и, разворошив бельё, засунула дневник под пододеяльник.

«Так будет лучше, – решила я. – Письменные откровения может позволить себе только одинокий человек».

Стоило об этом подумать, как послышался звук открывающейся двери. Моё лицо вытянулось и приняло испуганное выражение. Я опустилась на пуфик. Олег Александрович, не раздевшись, вошёл в комнату и сказал:

– Спать будешь в большой комнате.

Увидев мои косички, сморщился и добавил:

– Глупая молодящаяся особа. В голове ни одной стоящей мысли, одна только похоть.

Глава 8

Я лежала без сна и смотрела на тень, бежавшую по комнате. Вот она приблизилась ко мне и прошептала в самое ухо:

- Не бойся.
- Ты кто?
- Твоя обида.

Обида шумно вздохнула и приняла реальный облик. Она походила на даму из девятнадцатого века. Тёмно-синее платье обтягивало мощные грудь и бёдра, белый кружевной воротник подпирал дряблый подбородок, на голове красовалась затейливая причёска. Обида достала пенсне и, посмотрев на меня, задрожала от возмущения.

- Подлец, – сказала она. – Неблагодарный эгоист.

Поправив складки пышного платья, Обида направилась к столу и поставила на него старинный самовар.

- Откуда он взялся? – удивилась я.

– С собой принесла, – ответила Обида и, вытащив из ридикюля ажурные салфетки, добавила: – А ты поплачь. Слёзы для женщины – первое лекарство.

Пригладив мои косички, Обида потрепала меня по волосам и пригласила к столу. Я встала с дивана. Разговаривать не хотелось, однако сочувствие дамы успокаивало.

– Сколько женщин прошло через мужскую ревность, – вздохнула Обида. – Знаю я её – та ещё дамочка. В отличие от меня ревность смотрит на мир в подзорную трубу. Она делает маленькие предметы большими, а подозрения – истинами.

- Литературно сказано.

- Не я придумала – Сервантес. Слышала о таком?

- Конечно. Это автор «Дон Кихота».

– Вот-вот, он знал, о чём говорил. Стоит мужской ревности поселиться в голове, и всё. Никакими средствами не выгнать. Никакими.

- Разве женской ревности нет?

– Не о ней речь, – резко бросила Обида. Сжала узкие губы и продолжила: – Женская ревность ни в какое сравнение не идёт с мужской. Я её тоже знаю. Совсем не то. Она похожа на вздорную рыночную торговку. А мужская ревность – дама коварная. Она будет ходить за жертвой по пятам. Ходить до тех пор, пока не припрёт к стенке. Ты уж извини за такое просторечие. Но по-другому, право, не скажешь. Припрёт и начнёт мучить. А силы ей не занимать. До конца будет мучить.

- До какого конца? – с ужасом спросила я.

- До смерти. Никак иначе.

- А если женщина невиновна?

– Милочка! Кого же это интересует?! – расхохоталась Обида. – Прямо ребёнок, честное слово. Я уже полчаса твержу: если в мужской душе поселилась ревность, это конец.

- Всегда?

- Не сомневайся.

- Что же тогда делать?

- Уходить. Чем быстрее, тем лучше.

- Да вы что?! – возмутилась я. – А как же дети, дом, наконец?

– Детей надо забрать, – ответила Обида. – А дом... Здесь вариантов много. Можно разделить имущество, можно всё бросить и переехать к родителям. А можно выгнать мужа и жить без него.

- У меня нет родителей.

– Тогда надо выгнать. Надеюсь, не хочешь мучиться?
– Нет-нет. Я вам не верю. Наверняка есть другой выход – не такой разрушительный.
– Другого выхода нет. – Обида наклонилась ко мне и обдала дыханием старого больного человека. – Поверь моему опыту. Не одну тебя наставляла на путь истинный. Кто-то слушал, кто-то нет. Где они сейчас?

– В могиле, наверное. И те и другие.
– С тобой трудно разговаривать.
– Извините, но мне непонятно.
– Объясняю ещё раз, – поправив пенсне, сказала Обида. – Те, кто слушал, жили нормальной человеческой жизнью, остальные жили в аду.

Обида выпрямилась на стуле и, задрав толстый подбородок, ткнула в меня пальцем.

– Теперь настала твоя очередь. Тебе выбирать.
– Прямо сейчас?
– Чего ждать? Хочешь узнать, как будут развиваться события?
– Может, Олег образумится.
– Боже, какая наивность. Я уже говорила, ревность никуда не уйдёт. Она похожа на вирус. Стоит попасть в организм, начинает разрушительную работу.

– Но с вирусами можно бороться.
– С теми, что вызывают насморк или грипп, можно. Достаточно лечь в постель, принять лекарство, отлежаться... А с ревностью так просто не справишься.

– Но, может, у Олега этого вируса нет?

– Вчера не было, а сегодня он заражён.

Мой взгляд отметил мешки под глазами у Обиды, заштопанное кружево на воротнике, старые пятна на платье. Непонятно почему, но эти мелочи придавали словам собеседницы дополнительную убедительность. Мало того, создавали ощущение реальности. Душу сковал страх, и, едва двигая побелевшими губами, я спросила:

– И как же выглядит эта схема?

– Всё просто, – с энтузиазмом начала Обида. – За ночь Олег Александрович переберёт всю вашу жизнь и увидит множество фактов, подтверждающих твою аморальность.

– В моём прошлом нет ничего постыдного.

– Это так кажется.

– Что значит «кажется»? Если человек чист, трудно что-то придумать.

– Тебе сколько лет? – вопросом на вопрос ответила Обида.

– Тридцать шесть.

– Насколько я знаю, ты литератор. Вспомни сюжеты семейных драм.

Я опустила голову и кивнула.

– То-то и оно. Человеческий мозг может родить такое, что впору позавидовать. Теперь представь, что изощрённый ум мужа начнёт анализировать твои поступки, жесты, слова. Представила?

Мне стало страшно. Я поняла, к чему клонит Обида.

– Вижу, дошло наконец, о чём разговор. Твой муж начнёт думать о тебе день и ночь. Он вспомнит, как ты задерживалась на работе; как, ссылаясь на усталость, отлынивала от супружеских обязанностей; как смотрела на него, слушала, отвечала. В результате он придёт к выводу, что измена налицо. Решив эту задачу, примется за вторую – кто любовник? Он начнёт следить, слушать твои разговоры по телефону...

– В это невозможно поверить. – Я встала и с вызовом посмотрела на Обиду.

– Девочка моя, – ласково сказала она и тоже поднялась, – от того, веришь ты мне или нет, ничего не изменится.

Шелестя складками платья, дама подошла к комоду. Выдвинув верхний ящик, она покопалась в бумагах и отыскала газету.

– Взгляни.

– Около двенадцати тысяч женщин в год погибают в России от побоев мужей и любовников, – прочла я. – Большая часть этих трагедий происходит на почве ревности.

– Двенадцать тысяч! – воскликнула Обида.

– Думаю, речь идёт о неблагополучных семьях.

– Перестань. Если мужчина вспыльчив, если ревность разбудит в нём зверя, тогда...

– Олег не такой! – крикнула я. – Он не позволит себе ничего плохого по отношению к женщине...

– Ну-ну.

«Старуха пугает», – подумала я.

– Мне незачем тебя пугать, – чётко, почти по слогам проговорила Обида.

* * *

Утром, как только я появилась на кухне, Олег спросил:

– Как спалось? Совесть не мучила?

– С совестью у меня всё в порядке, – ответила я и стала готовить себе завтрак.

– Скажите пожалуйста! А ты знаешь, что это такое? Или в твоих примитивных мозгах такого понятия нет?

Ложка запрыгала в руках, в глазах появились слёзы. Я судорожно вздохнула.

Только бы не расплакаться! Надо помнить: в нём бурлят злость и раздражение.

Я вспомнила сон-явь, и передо мной замаячило обрюзгшее лицо.

«Что я говорила? – прошептала Обида. – Погоди, это только начало».

– Ты не имеешь права преподавать в лицее, – продолжал Олег.

– Почему?

– Аморальных личностей нельзя подпускать к детям.

Олег знал, как меня достать. Я резко повернулась. Мутный взгляд, взъерошенные волосы, тёмные круги под глазами.

– Ты здоров?

Мой тон разорвал сдерживающие препоны, и Олег Александрович вскочил с кресла.

– Сколько в тебе фальши! – взвизгнул он. – Прямо артистка! Откуда этот дар? Научилась во время выступлений, или природный?

«В нём есть что-то от Каренина. Такой же скучный и жалкий», – подумала я.

В поле моего зрения попала рубашка Олега – она торчала из брюк, как тряпка. На какой-то миг мне захотелось подойти к мужу и сказать что-то ласковое.

– Я думал, ты порядочная женщина. Оказывается, нет. Тебе нравится двойная жизнь. Может, это влияние подруг?

– При чём тут подруги?

– Ах нам неясно! Давно заметил: ты глупая курица. Такие особы ничего не могут родить. Ничего! Им это не дано.

Это был настоящий удар. И, тем не менее, я сказала себе:

«Молчи, только молчи. Он тебя провоцирует».

В это время Олег смотрел на меня и наслаждался прямым попаданием.

– Для того чтобы родить идею, надо иметь мозги. Думаю, ими природа тебя обделила.

– Всегда так думал? – не выдержала я.

– Всегда. Однако полагал, что живу с честной женщиной.

– Теперь так не считаешь?

– Теперь не считаю. Вчера увидел, что прячется в твоих глазах. Увидел так ярко, что ужаснулся. Ложь не успела нырнуть в убежище и, зацепившись за ресницы, торжествовала и нагло ухмылялась.

Последняя фраза меня поразила. Никогда не замечала, чтобы Олег мыслил образами.

– Передо мной пронеслись тринадцать лет жизни, и я понял – ты всегда врала. И тогда, когда приходила домой после так называемых репетиций, и когда говорила, что гостила у Нюты. Надо так обнаглеть, чтобы прийти в новой шубе! И ты хочешь, чтобы я поверил рассказам о мифической Варьке?! Совсем сбрендил. Кто дарит такие подарки?

– Поменяй тон. Ты становишься грубым.

В голове пульсировала кровь, но я держалась. Очевидно, мне помогал разговор с ночной дамой.

– Посмотри на своих подруг, – продолжал Олег. – От одной из них муж ушёл к чёртовой матери, другая крутит мужем, как хочет: то принеси, это сделай. Теперь появилась третья подруга. В отличие от первых двух она – настоящий оригинал. Швыряет деньгами и дарит шубы. Что тут такого?

– Я пропущу твои мерзкие характеристики, однако кое-что скажу.

– Будьте любезны, – скривился Олег.

– Тебе не понять людей, которые могут бескорыстно дарить.

– Вот как?

– Все твои действия просчитаны, и благородный порыв тебе несвойственен.

Я чувствовала, что начала заводиться. Как ни крути, но в разборки втянулась. Я замолчала и вышла из кухни.

– Это мне-то несвойственен благородный порыв?! – Олег Александрович выскочил вслед и схватил меня за плечи. – Дрянь! Неблагодарная дрянь! Я ей купил костюм...

Я брезгливо освободила плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.